

Надежда Мамаева

В военную академию требуется

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Светлые и тёмные

Nadezhda Mamaeva

В военную академию требуется

«АЛЬФА-КНИГА»

2019

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Мамаева Н.

В военную академию требуется / Н. Мамаева — «АЛЬФА-КНИГА», 2019 — (Светлые и тёмные)

Где спрятаться изворотливой контрабандистке с темным даром, если та мимоходом (ну самую малость!) нарушила закон и теперь за ней по пятам идет инквизиция, чтобы пригласить на зажигательную вечеринку с костром и толпой зрителей? Конечно же там, куда ее преследователям путь закрыт, — в Военной магической академии! И пусть набор в оную уже завершён, а ректор совсем не жаждет брать нового кадета, Крисро, чтобы поступить, готова на все: подкуп, шантаж, вымогательство и даже... учиться. Вот только сокурсники попались ей жутко злопамятные, мстительные, а юмор у них, несмотря на светлый дар, исключительно черного оттенка, но это уже мелочи, не стоящие внимания. Как и то, что сильнейший ученик академии, белый маг, хочет слегка убить Крис. И не сказать, что совсем уж безосновательно...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Мамаева Н., 2019
© АЛЬФА-КНИГА, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Надежда Мамаева

В военную академию требуется

Пролог

Год 13257-й от пришествия драконов

– Любовь – замечательное чувство. Именно благодаря ей никогда не опустеют дома скорби. А еще – всегда будут осужденные для работы на рудниках.

С этими словами стражник, уже немолодой воин, чье лицо было расписано паутиной шрамов, последний раз ударил плетью сторбленную спину в рваной робе. На серой, пропитанной пылью ткани расцвела еще одна алая полоса.

Конь под стражником загарцевал. Ушами жеребец не стриг, больше опасаясь норова своего наездника, чем вида крови.

Заклоченный сжал бледные бескровные губы и зло глянул. Но тут его дернула цепь, которой были скованы все сорок осужденных. Она соединяла железные ошейники, что окольцовывали каждого из каторжан. Вереница, звеня кандалами, шла вперед, навстречу собственной долгой и мучительной смерти в горах Мертвого Серебра.

Стражник покачал головой. Этот взгляд он знал. Непокорный. Гордый. Несмирившийся. Отчаянный. Тот, чей пыл он только что остудил плетью, еще недавно был магом. Сильным (аж девятый уровень!), в меру богатым и не в меру влюбленным.

А сейчас на его счет стражником был получен негласный приказ начальства: «Заклоченный номер шестьсот тридцать девять, Вицлав Кархец, должен умереть по пути на рудники».

Стражнику отчасти было жаль этого молодого дурака. Вряд ли он готовил заговор против его императорского величества Тонгора Первого, как утверждал свиток с приговором. А вот о том, что на красавицу-супругу Вицлава положил глаз главный инквизитор империи, судачил весь стольный Йонль. Да и далеко за его пределами. Если бы лэрисса Кархец ответила благосклонностью Черному Ворону, как в народе прозвали верховного инквизитора, то не был бы сейчас ее муж в кандалах.

Но увы. Она оказалась верной и любящей супругой. В общем, идиоткой. Потому что есть те, кому не отказывают. Вот Черный Ворон и прокаркал своим верным псам. Те быстро организовали и липовый заговор, и доносы, и свидетелей... Настоящим был лишь приговор – двадцать лет каторги на рудниках в горах Мертвого Серебра и полное отнятие магии с наложением печатей, запирающих светлый дар у всех потомков рода Кархецов до седьмого колена. То есть ровно до того времени, пока сама память о Вицлаве и его неосмотрительной супруге не сотрется. По сути, плаха на площади – и та была бы милосерднее.

Вот только не добился верховный инквизитор того, чего так желал: Ева Кархец исчезла из столицы, словно в бездну провалилась, едва был озвучен приговор.

– Из шахт Трезубца Смерти живыми не выбирают. Не зря их так прозвали. Да и весь этот серебряный хребет, будь он неладен... – спокойно и даже как-то устало промолвил стражник и потянулся к поясной фляге. – Смирись, запечатанный. Смирись и покорись, а иначе и до рудников не дотянешь. Скоро равнина закончится, начнутся горы. А там – узкие тропы и крутые обрывы. Сгинешь в одном из них... случайно.

Не хотелось стражнику, повывавшему на своем веку немало, брать на душу еще один грех. Пусть Кархец дойдет живым. А там уж как госпожа Смерть или Эйта распорядятся.

Словно вторя его мыслям, на обочине дороги появилась безумная старуха. Она что-то кричала проходящим каторжникам и стражам, потрясая клюкой.

«Демоновы темные! – Всадник осенил себя небесным знаком рассеченного надвое круга. – Вот только помяни дарящую безумие, и ее жертвы тут как тут. А может, не только жертвы, но и сама рыжая!»

Он глянул на стоявшую у обочины. Лицо сморщенное, словно печеное яблоко, крючковатый нос с бородавкой и горбатая спина... Она будто вышла из легенды про старуху Зиму, что забирала жизни юных дев, чтобы вновь стать молодой.

– Придет время, заговорят горы! – между тем кричала блаженная. – И из пещеры выйдет дитя...

Тут она увидела запечатанного мага. А он – ее. И вздрогнул.

– Ты! – возопила сумасшедшая. – Ты – злой демон, вырвавшийся из бездны. Умри!

Вытянув руки со скрюченными пальцами, она бросилась на Кархеца, желая его задушить, и уже достала до его шеи. Но стражники бдили. Правда, угрозы в блаженной не видели, но пару раз со смешками прошлись плетками по ее бокам, отгоняя от вереницы осужденных.

Магии в старухе не было, иначе бы сработали упреждающие защитные амулеты. Зато ее нападение – какое-никакое развлечение в этот серый осенний день, когда небо еще не решило, разродиться ли ему мелким морозящим дождем или продержаться смурным до вечера.

Караван ушел, а старуха так и стояла, крича вслед веренице осужденных. И все бы ничего, если бы запечатанный маг не узнал в старухе свою жену. Красавицу Еву, что блистала на лучших сценах империи, играя роли благородных лэрисс, принцесс и простых юных горожанок, в которых обязательно влюблялись прекрасные драконы...

Да, его Ева была актрисой. Ей рукоплескали полные залы стольного Йонля. Да, она родилась в Ситном квартале, у нее не имелось ни ветвистого генеалогического древа, ни солидного счета в гномьем банке.

«Мезальянс! Что скажет свет?» – всплеснула руками матушка, узнав, что ее сын намерен жениться на актрисе. «Не позволю!» – взревел лэр Кархец. Но Вицлав все же надел на запястье Евы брачный браслет вопреки воле родителей. Как оказалось, красавица-лицедейка вышла замуж не за дворянский титул и состояние (к слову, весьма среднее), а по любви.

И сейчас Ева в образе старухи стояла и провожала взглядом караван. Но, главное, она успела... Успела передать рассекатель пространства своему мужу и шепнуть всего несколько слов. Ей оставалось только надеяться, что у него все получится.

Ева положила руку на живот. Балахон старухи надежно скрывал ее тайну.

– Потерпи, малышка, скоро папа сбежит и будет с нами...

Глава 1

Двадцать лет спустя

– Держи этого паршивца, уйдет ведь!

Вслед мне полетел пульсар.

Я пригнулась, и огненный шар просвистел над моей головой, врезавшись в дощатую стену. Дерево тут же занялось. Плевать. Главное – уйти. Желательно – с добычей. Очень желательно – целой и невредимой. Хотя последнее с учетом того, что среди караульных оказался маг, весьма проблематично.

Очень даже на руку, что матросня приняла меня за пацана. И понятно почему: опознать в оборванце девушку – задача не из легких. Ну еще бы: потрепанные короткие штаны, не прикрывавшие щиколоток, стоптанные рыжие ботинки, широченная рубаша и выгоревшая клетчатая кепка, под которой спрятались длинные черные волосы, – не совсем тот наряд, который предпочитают лэриссы.

– Окружай гада! – донесся крик откуда-то снизу и сбоку.

– Да не шмаляйте огнем, господин маг! – тут же взмолился кто-то, находившийся чуть ниже, и его голос звучал столь же тревожно. – Склады же как-никак. Не ровен час...

Обрывок фразы потонул в еще одном ударе. Опять пульсаром. Да что же мне за маг такой попался, озабоченный законом? Нет чтобы о хозяйском добре печься! Сказано же – склады. Одни из самых больших в империи. А он тут пламенем плюется, как дракон, ужаленный в зад гарпуном.

Я промчалась между штабелями, перескочила через мешки и взбежала по ряду бочек.

Едва не поскользнулась на просмоленном боку одной из них, но, балансируя, выровнялась. Правда, это было нелегко, если учесть, что в одной руке я держала саблю из аллурийской стали – прочной, но зверски тяжелой. Хотя последнее, может, оттого, что отточенный как бритва клинок предназначался для сильной мужской руки, а не для тонкой девичьей.

Оказавшись на самой вершине горы из бочек, я бросила взгляд вниз.

Меня и вправду окружили: сзади – матросы, спереди – тот самый ненормальный маг, вознамерившийся во что бы то ни стало поймать наглого пацана. Уйти вбок? С одной стороны – пол. Правда, лететь до него – дюжину локтей. Не меньше. Не убьюсь, так ноги переломаю. С другой стороны – аккуратно составленные друг на друга здоровенные ящики. К тому же последний, венчавший пирамиду, и вовсе стоял боком, едва ли не на весу. Удерживался он лишь перекинутым через потолочную балку и натянутым как струна канатом. В общем, разгильдяйски ящик стоял. На одном честном слове и погрызенном мышами боку. Запрыгни на такой – и легко упадешь, свернув шею.

А за пирамидой из ящиков и вовсе была стена.

Демоны бездны! Очень хотелось просто бросить саблю и удрать. Но за эту железку отцу заплачено. Золотом. Наперед... Ех, тяжела и неказиста жизнь дочери контрабандиста.

Я сделала несколько шагов к ящикам. Наступила на одну из веревок, что удерживали гору бочек, не давая той раскатиться.

– Сдавайся! Ты окружен. Пять лет каторги лучше, чем смерть от пульсара, – прозвучал уверенный голос из луженой глотки.

Замерла на месте. Выпрямилась, чтобы меня хорошо было видно. Чуть склонила голову набок и, играя на публику, даже шаркнула ножкой:

– Сдаться? Хм... Пожалуй...

Я не только тянула время, но и сокращала пространство. Незаметно, переставляя то пятки, то носки, не отрывая подметок от просмоленного бока бочки, приближалась к своей цели.

– Вот только мне кажется, господин маг, что сейчас вы теряете ее...

Я чуть повела рукой с саблей. Словно намекая, *что именно* любитель швыряться огнем теряет. Но, судя по всему, мне попался новичок из тех боевых чародеев, что прибыли в порт недавно. Ибо он совершил непоправимую ошибку. Заговорил.

– И кого же «ее» я теряю? – спросил чародей, уверенный, что ситуация под его контролем.

– Возможность получить повышение!

За время нашей короткой беседы я приблизилась к краю бочки, на которой стояла, ровно настолько, чтобы бешеной белкой прыгнуть вбок. Одной рукой схватила за канат, что был перекинут через балку и на весу удерживал верхний ящик. Снизу рубанула по нему саблей, которую держала в другой руке.

Мое тело тут же взмыло под потолок. Все же я была значительно легче ящика, с грохотом полетевшего вниз на мага. А тот, то ли испугавшись, то ли просто потеряв контроль над пульсаром, швырнул его в бочки.

Как выяснилось, хорошо летать можно не только на метлах и веревках, перекинутых через балки. На роме, который был в бочках и вмиг вспыхнул, тоже, оказывается, ничего так парить получается.

Полыхнуло знатно. Взрывная волна догнала меня как раз тогда, когда я бежала по балке под потолком к выходу. В спину ударило, я потеряла равновесие и полетела вниз. Тело вмиг опалило огнем. Кажется, горела не только кожа и волосы, но и кости. Причем горело – изнутри. Словно пламя текло по моим жилам, вгрызлось в мышцы. Но сильнее всего жгло правое плечо. То место, где стояла магическая печать – «наследство» отца.

До пола я так и не долетела. Когда до настила из горбылей оставалась пара локтей, передо мной разверзлась дыра, и я провалилась в чернильную тьму.

Та оказалась вязкой и горячей, наполненной звуками: свистом, шепотом, шорохом... Мне даже почудился шелест сродни тому, когда змея ползет по сухой осенней листве.

Через мгновение я упала. Земля, или что там было вместо нее, спружинила, но локоть я все равно зашибла. Чудом при падении не располосовала себе бок саблей, которую все еще держала в руке.

Я встала сначала на карачки, потом поднялась. Вокруг была тьма. Она клубилась, ластилась к ногам, норовила обнять своими загнувшимися щупальцами за плечи. Я отмахнулась, рубанула по ней несколько раз. Что-то взвыло.

Я завертела головой. Кепка слетела с макушки еще при моем грандиозном провале в этот мрак, и волосы разметались по плечам. Они липли к мокрой от пота и грязи шее, создавая ощущение накинутой на горло удавки, которую вот-вот чья-то рука начнет затягивать. Меня бросило в дрожь, несмотря на то что вокруг было жарко как в раскаленной печи. И было отчего испугаться: во мраке мне мерещились страшные рожи.

– Свеж-ж-жатинка...

– Молодая ведьма...

– Без наставника...

И тут из мрака резко вынырнула загнувшая лапа. Когтистая. Узловатая. С неестественно вывернутыми суставами и покрытая редкой шерстью. Она цапнула меня за запястье.

Зря. Приличная напуганная контрабандистка с саблей в руках если и отвечает на такое рукопожатие, то оставляет себе на добрую память ту пятерню, что была ей протянута. Я была приличной до безобразия. А еще потомственной. Потому мелочиться не стала и рубанула тварь, отсекая ее лапу по локоть.

Тьма заголосила. Завыла и... засмеялась. Зашлась тем глумливым смехом, что вместе с улюлюканьем несется вслед севшим в лужу неудачникам.

– А малышка не промах, вон как низшего обкорнала... – донесся едва уловимый скрипучий голос.

Куда я попала, бездна раздери? Не успела закончить мысль, как осеклась. А ведь я, похоже, действительно в этой самой бездне и есть.

Испугалась? Нет. Конечно нет, какая глупость! Так, попереживала слегка. И вдруг, отчетливо осознав, куда я попала...

Стоило невероятных усилий не сорваться в бестолковый бег, когда мозг уже не в силах соображать, а ноги несут напрямик навстречу смерти.

Думай, Крис, думай! Что ты знаешь о бездне и о темных магах, кроме того что чернокнижники платят полновесным золотом, но только в том случае, если понимают – перед ними хитрец и ловкач почище, чем они сами. В противном случае норовят обмануть и получить свое за бесценок. В общем, чернокнижники по духу – типичные пираты, только что сухопутные. И вместо острой стали у них заклинания.

Но я-то, дочь Меченого Ви, любому пирату нос утереть могу, не то что темному. Значит, и с демонами договориться есть шанс.

И я приступила к дипломатической миссии. Для начала – заозиралась. Уже не затравленно, а ища жертву для переговоров.

Тьма словно почувствовала и отхлынула.

Я фыркнула от досады. Крутанула несколько раз саблю, проверяя баланс. И тут в расступившихся клубах чернильного тумана среди рыл и клыков увидела что-то мелкое в темном пышном платье, угловатое, с рожками. И это недоразумение бежало прямо на меня!

А вслед этому недоразумению несся грозный рык:

– А ну стой!

Когда в тебя на полном ходу врезаются – это больно. Сию простую истину я познала еще в детстве. И пополнять впечатления тем, что будет, если таран окажется с рогами, не хотелось. Жаль, что плаща у меня не оказалось. Так вышло бы эффективнее. Но все равно получилось неплохо. Увернулась я в последний момент, и беглец, а точнее – беглянка пронеслась мимо. Мы разминулись с ней буквально на ладонь. Правда, уйти далеко ей не удалось: подножка – великая вещь. А неожиданная подножка – еще и вещь эффективная. Впрочем, беглянка не растерялась, а, кувыркнувшись через голову, тут же вскочила и рывкнула:

– Что застыла, ведьма? Открывай портал в свой мир! Зря я тебя, что ли, по всему двадцатому уровню выискивала?

Только удиравший от погони с полуслова поймет удирающего. За этой рогатой гнались. И, судя по всему, не за тем, чтобы ее убить. А это значит...

Отец всегда говорил, что самые удачные дипломатические переговоры получаются, если у тебя на руках есть весомые аргументы. Мой довод в виде аллурийской стали был не очень весомым. Зато самым действенным из всех.

Демоница не успела опомниться, как я схватила ее за запястье и дернула на себя, прикрываясь ею, как щитом. И приставила лезвие к ее горлу.

– Не тронь ее, ведьма! – Демон, что несся за моей новообретенной заложницей, не успел всего на удар сердца.

– Лучше смерть, чем вечность с Рашримом! – пискнула демоница. Ее била крупная дрожь, но явно не оттого, что она испугалась приставленной к шее стали. – Я ни за что не выйду за него! Я сбегу к людям или умру!

Я закричала зубами. Вот только ее заявлений тут не хватало! Она вообще-то по задумке должна хотеть жить, а не сдохнуть.

– Ты моя дочь. И ты выйдешь за него замуж, – прорычал демон.

– Если она при этом будет жива, – напомнила я о себе. Все же как-никак я тут должна диктовать условия.

В меня вперились взглядом. Нехорошим таким. Прожигающим. Красненьким.

– Не наглей, ведьма! И не хами. Лучше убери свою железку, – угрожающе протянул демон. – И я обещаю: ты умрешь быстро.

В жизни меня бесят всего две вещи. И одна из них – когда мне говорят не хамить, а я еще даже не начинала!

– Могу то же самое сказать о вашей дочурке, господин демон, – усмехнулась я. – А то ведь, не ровен час, вам самому под венец бежать придется. Или труп вашей малышки тащить. Это уж как больше нравится...

Судя по тому, как ошутимо вокруг сжатых кулаков винторогого заклубилась первородная тьма, так открыто его еще не посылали. Сдается мне, если бы я сейчас качественно не заслонялась его драгоценной дочерью, то в меня бы уже летело с дюжину смертоносных заклятий, а то и чистая сила, сметающая все на своем пути.

Пока мы вели сей познавательный диалог, я лихорадочно прикидывала, как выкрутиться из ситуации. Вообще-то я хотела взять заложника, чтобы мне открыли проход обратно в мой мир. И желательно не в горящий ангар. Но что-то мне подсказывало: демон ни за что этого не сделает или...

– Ты хочешь получить свою дочь живой и невредимой? – вкрадчиво спросила я.

Бессильная ярость в глазах демона была мне ответом.

– Тогда открой мне портал в мой мир.

И тут он расхохотался.

– Демоны этого не могут, – сквозь смех глумливо и громко возвестил рогатый. – Все, у кого есть темные меты, сами проваливаются в бездну и сами же возвращаются. Это правило, которое знают все ведь...

При упоминании о мете плечо, в котором боль уже слегка поутихла, словно прижгли каленым железом. Рука дернулась, лезвие рассекло кожу на шее демоницы. Та непроизвольно пискнула, и ее отец оборвал фразу на полуслове.

– Ведьма, ты покойница, – холодно и с расстановкой произнес он, поняв, что никуда я от него не денусь.

– Ты и вправду не знаешь, как вернуться? – выдохнула заложница в унисон с папочкой.

– Знала бы, не стояла бы тут, как идиотка, – прошипела я.

– А если я подскажу, что делать, возьмешь меня с собой?

– Кардерина, только посмей... – предостерегающе начал демон.

Я отчасти понимала возмущение родителя: где это видано, чтобы жертва помогала своему мучителю? Да еще и не из романтических чувств, а, так сказать, назло. Но демоница прошептала:

– Чтобы открыть проход обратно, точно представь место, куда надо перенестись. Заложил пентаграмму векторов пространства, пересеченных с осью времени, и влей в узловую точку силу не меньше пятого уровня.

Из всего сказанного я поняла только одно: надо представить место!

И я вообразила. В красках и подробностях. В ощущениях.

Старый пирс. Выбеленные солнцем и просоленные морем доски. Волны, что набегают одна за одной, одна за одной. Море, шепчущееся с прибрежным песком, запах водорослей. Истошный, а вовсе не романтический крик чайки. Ракушки, что выбросило прибоем. Скалы бухты, проход к которой с суши перекрыт горным хребтом, а с воды – извилистый, как кишки каракатицы, и непредсказуемый. Через такой можно пройти только на шлюпе, да и то лишь хорошо зная путь.

Мою руку прошила дьявольская боль. Казалось, изнутри, из костей, наружу, к коже, вырывается что-то. Прогрызает себе путь огненными челюстями. Я заорала. Пошатнулась вме-

сте с заложницей, которая – гадина! – еще и оттолкнулась пятками, будто пытаюсь меня завалить, напрочь наплевав на то, что я могу перерезать ей горло...

И мы действительно рухнули. Лопатками я впечаталась во что-то мокрое и твердое, в ягодицу впилась то ли крупная галька, то ли ракушка. А рядом с виском, на уровне глаз, из песка торчал крупный камень.

Дыра, из которой мы вывалились спиной вперед, схлопнулась прямо перед носом демона. Но мне было не до этого. Отбросив в сторону саблю, которой я чудом не перерезала горло заложнице, я рывком оголила правое плечо. На коже, там, где всю мою жизнь красовалась печать, сейчас происходило нечто дикое: татуировка в виде черного пламени сжигала печать. Она буквально жрала ее с одного бока своими огненными языками. Печать трескалась, сочилась кровью, которая тут же запекалась, а меня раздирала дикая боль. Наконец она накрыла меня с головой, как гигантская волна, смяла, перевернула. И я впервые в своей жизни потеряла сознание.

Сколько пролежала в бесспамятстве – сказать тяжело. Когда я очнулась, то первое, что увидела, – рассвет. Получается, что я провалялась тут всю ночь? Оставалось надеяться, что и только, а не целые сутки. А потом взгляд упал на белого кролика. Эта сволочь догрызала саблю! Сидела и нагло хрумкала. Только один эфес и остался. Скрежет стоял знатный, с длинных, острых клыков пушистой гадины аж искры летели, но она продолжала уписывать сталь, как иной заяц – капустный лист.

– Да чтоб тебя! – рыкнула я и, на ощупь найдя камень, метнула в этого проглота.

Кролик отскочил, слегка хромя. Выплюнул изо рта покореженный металл и знакомым голосом заявил:

– И не надо так орать. Мало что меня этой пакостью чуть не прирезала, так еще и сейчас едва булыжником не зашибла.

Осознание приходило медленно, но четко: этот пушистый засран... в смысле кролик – демоница. Та самая, свадебная.

– А что у тебя с лапой? – зачем-то спросила я.

Ну да. Я. Говорю. С кроликом. Точнее – с крольчихой. Веду беседу. Так и захотелось помахать рукой и добавить: «Эйта, ты здесь?» Наверняка дарующая безумие где-то рядом.

– Я же говорю, что ты меня чуть не прирезала. Пришлось рукой за лезвие схватиться, вот и располосовало меня до кости. Так что...

– Ты, сволочь! – Я начала приходить в себя. – Это была сабля из аллурийской стали.

– Новую купишь, – невозмутимо заявил будущий воротник. – К тому же я нервничала...

– Двести золотых! – взревела я.

Крольчиха не впечатлилась. Я же, кое-как встав, подобрала эфес, потом бесцеремонно цапнула белую пакость за уши и, пошатываясь, побрела прочь с пляжа.

Крольчиха висела, поджав под себя лапы и ошалело таращась по сторонам красными глазами.

Я шла молча. Шерстяной комок нервничал. Сначала просто шевелил усами, а потом задергал поджатыми задними лапами.

– Слушай, а почему ты в свой нормальный облик не превращаешься? Ну, в рогатый? – решила уточнить я.

– Я еще не достигла совершеннолетия, – буркнула крольчиха. – И в мире людей не могу появляться в своем истинном виде... А почему спрашиваешь? – заподозрив неладное, забеспокоилась она.

– Точно не превратишься в демоницу?

– Точно!

– Отлично...

Вообще-то я должна была доставить саблю заказчику еще ночью. Но тут случился патруль и склады. Ну подумаешь, на пару ударов колокола позже приволоку заказ.

До постоянного двора, что стоял у южных ворот, я добралась быстро. Просочилась через черный ход, взбежала по лестнице и прислушалась, прильнув ухом к двери.

– Где только темные носят этого гада?! Двести золотых...

Кто-то нервно расхаживал по комнате. Хотя почему кто-то? Мой клиент.

Я постучала, как было условлено: два коротких удара, пауза, еще четыре.

Дверь распахнулась тут же, и я, широко улыбаясь, протянула вперед две руки: в одной – эфес, в другой – крольчиха.

– Ваша сабля, лэр!

Лицо господина, который усиленно изображал благородного, вытянулось, а нижняя губа затряслась.

– Что-о-о?! – взревел он.

– Сабля, – невозмутимо повторила я и буквально впихнула в руки оторопевшего мужика эфес и крольчиху.

Он машинально схватил, и тут же мои запястья на миг полыхнули огнем – исчезла клятва на крови, которую я дала: доставить заказ во что бы то ни стало. Я выдохнула. Все же хорошо, что я не уточнила срок и состояние сабли, когда произносила слова магического обета. Наивный лжелэр (при нашей первой встрече он строил из себя аристократа, а сам держал вилку за столом, как простолюдин) полагал, что я доставлю заказ к нему целым, а не по частям. Увы, он не знал, что в щекотливых делах бывают накладки.

– Как? – выдохнул он, осознавая, что двести золотых таки потеряны для него навсегда. И даже мысль о том, что неисполнительный контрабандист сдох, не могла бы согреть его душу, ибо я была живее всех живых.

– Очень просто. Рукоять тут. – Я ткнула в эфес. – А острие – в ней, – перевела перст на крольчиху. – Можете ее выпотрошить и достать...

Извернувшись, пушистая отчаянно засучила лапами, угодив лэру в грудь. Тот согнулся и разжал пальцы.

Впервые я видела, как клинок дал деру. Хорошо, часть клинка. И мне следовало сделать то же самое.

И я припустила. По коридору, прямо в распахнутое окно. Благо я отлично знала, что там, за подоконником, – конек крыши. Приземлилась удачно. Правда, в последний момент черепица под ногами все же решила, что для роли мостовой она не предназначена, и предостерегающе затрещала.

Но и я не была намерена стоять и любоваться небом. Взяв резкий старт, побежала по коньку крыши. Мой заказчик, потрясая огрызком сабли, – за мной.

Что может быть приятнее вечернего бега по крышам? Очень и очень много всего!

Перепрыгнув с двускатной на пологую, я стрелой понеслась дальше и, взяв хороший разбег, сиганула через уличный пролет. В последний момент ухватила за водосток, едва не сорвавшись на брусчатку, подтянулась и, раскачавшись, запрыгнула на балкончик. Это был один из домов Тунцового квартала, самого богатого в городе.

Я угодила в спальню. На кровати возлежала дородная дама в парчовом халате. Вернее, этим она занималась ровно до моего появления. А потом она завизжала:

– Спасите! Насилуют!

Я выскочила из комнаты и, увидев лестницу, ринулась к ней. Всего пара ударов сердца – и из дома выходил уже не пацан-оборванец, а сгорбленная старушка в плаще, чепце и с клюкой. А то, что бархатной накидкой послужил плед, сдернутый с дивана, клюкой – сложенный зонт, а чепцом с кружавчиками на самом деле были прихваченные панталоны, что небрежно валялись на кровати крикуны, – дело десятое.

Заказчик так и стоял на крыше, взирая на улицу под собой с видом дозорного, который вот-вот ожидает прорыва.

Я прошла под самым его носом и двинулась вниз по улице, прихрамывая и горбясь, как и положено почтенной старушке, бормоча что-то себе под нос и глядя исключительно под ноги...

Плечо опять жгло. Уже не так сильно, терпимо. Но это не значит, что вопросы к отцу у меня исчезли. Скорее их стало только больше. Он – единственный маг, пусть и бывший, который мне мог все объяснить.

Впереди слышались песнопения. Кого-то провожали в последний путь. Впереди процессии шли плакальщицы, то прикладывая платки к глазам и подвывая молельщику, то лузгая семечки.

Я посторонилась. Жизнь идет своим чередом. Смерть, впрочем, тоже. В свои девятнадцать я не раз встречала мертвецов. И не всегда покойники лежали в гробах и держали в руках сосновую ветвь, как заповедовал обычай. Нет. Я видела и растерзанных акулами, изуродованных штормом, выпотрошенных пиратами. Да и боль – с ней я тоже была знаком. Причем близко.

Мне доводилось ломать руки, вывихивать ноги, а уж сколько я получила тумачков, пока не научилась драться... Хотя если бы не отец, преподавший мне немало уроков не только кулачного боя, но и фехтования, то не дожила бы я до своих лет. Славный порт Хорс не терпит слабаков, раззяв и чужаков. И если у последних есть шанс, то у первых двух – никогда.

Мой отец, Вицлав Кархец, бывший аристократ, ныне – запечатанный маг и беглый каторжник, которого все здесь знали как Меченого Ви, появился в Хорсе с семьей семь лет назад. Он тоже, придя сюда, напоролся в подворотне на парочку ножей, которыми поприветствовали чужака. Но выжил и доказал, что лучше с ним не связываться...

Впрочем, доказывать пришлось не только ему. Но и матери. И мне.

Сейчас наша семья была на первый взгляд благопристойной. Впрочем, на второй – тоже. Матушка заботилась о семейном очаге, отец отправлялся по утрам в море, а их единственная дочь ходила в помощницах у золотошвейки и помогала по хозяйству.

Вот только я-то знала, что на бедре у матушки всегда пристегнуты ножны с кинжалом. У отца, будь он хоть в своей рабочей рубаше и потертом жилете, хоть в пиджаке, в котором ходил на мессу, всегда за пазухой пара метательных звезд.

Но изображать добропорядочных мы научились мастерски. Недаром моя матушка, Ева Кархец, а ныне госпожа Иридия, когда-то была знаменитой актрисой. Ее умение носить маски я унаследовала в полной мере. Как и от отца – печать.

В общем, для соседей по Минтаевому кварталу наша семья была образцово-благочестивой и порядочной. К слову, квартал был прозван так, потому что на столе у здешних жителей часто бывал минтай – рыба недорогая, но и не по медьке за ведро. Бедняки же ютились в квартале Барабульки, а вот местечковая элита одноименного с портом городка – в Тунцовом.

Процессия прошла, и я уже собиралась двинуться дальше, как в мою лодыжку впились чьи-то зубы. Я не заорала лишь по той причине, что почтенную старушку со своего насеста мог увидеть лишившийся двухсот золотых заказчик.

А дамам преклонного возраста не пристало орать, ругаться и резво скакать на одной ноге. Хотя если в ногу впиваются зубы, способные разгрызть металл, сохранить молчание очень тяжело.

Я метко ткнула зонтом в живот крольчихи. Та взвизгнула и, расцепив клыки, злобно глянула на меня:

– Поклянись, что не бросишь меня, и я не буду тебя жрать.

– Тогда взаимная клятва, – мгновенно взвесив все «за» и «против», заявила я, умолчав, что можно же не бросать. Причем не только вниз с балкона... Можно, например, задушить, отравить...

– Хор-р-рошо, – процедила крольчиха.

Я с прищуром посмотрела на пушистую шантажистку. Она своими красными глазками – на меня. Я – на нее. Она – на меня. Это была та ситуация, когда каждый из пройдох прекрасно понимает, что его противник может его обдурить, но верит: у него самого это выйдет удачнее, чем у соперника. Нет, надо было к заказчику тащить эту ушастую не в живом виде, а в трупном. Проще бы в сто раз было.

И почему только удачная мысль приходит опосля? Хотя если учесть, что удачно в моей жизни всегда складывался только зонт. И тот – в ливень...

Но делать нечего. Когда к твоей ноге приставлены зубы, способные перемолоть металл, приходится вступать в переговоры...

Договор скрепляли быстро и на словах. Никакой крови, хотя крольчиха все порывалась мне ее пустить своими резцами. Условились на том, что меня в случае неисполнения будет преследовать невезение (как будто мне вот прямо сейчас крайне везло!). Я же потребовала, чтобы крольчиха мне не мешала и вообще не путалась под ногами. Иначе ходить ей в пушистой белой шкуре до конца своих дней.

В итоге эта паразитка, после того как мы заключили сделку, еще и на руки попросилась. Я бы с большей радостью пнула ее, но именно в тот момент мой бывший клиент как-то подозрительно уставился в нашу сторону. Пришлось брать ее на руки, кряхтя и маскируя под бормотание старушки отборные проклятия.

– Слушай, ведьма, хватит меня проклинать, – не выдержала крольчиха и цапнула за палец. Не больно, но ощутимо. – Я хоть и чистокровный демон и мне сквернословие что быку комариный писк, но все же ухо вон уже чешется.

И она выразительно поскребла задней лапой по своему лопушку.

– Какая я тебе ведьма! – возмутилась я. – Я честная контрабандистка!

– Честная контрабандистка? Это как целомудренная одалиска? – оскалился комок шерсти, явно стремясь к почетной должности воротника.

– Нет. Это как то, что я – светлая. У меня отец – бывший белый маг. А мама – и вовсе человек. И я не ведьма. Это ясно? – Под конец я зашипела и так стиснула крольчиху, которую держала в руках, что та засучила лапами.

– Ага. Светлая. То-то светлые к нам во мрак проваливаются каждый день по дюжине!

– Правда, что ли? – Я приподняла бровь.

– Нет! – не выдержала моя «зая». – Когда я сбегала с брачного капища, думала, что мне подвернется приличный темный маг или ведьма, с которой я смогу сторговаться, чтобы меня перетянули в мир за преградой...

– А случилась я.

Так, слово за слово, по дороге домой я выяснила, зачем этой мечегрызущей твари я нужна была позарез, да и в целом узнала кое-что о быте и нравах демонов.

Моей новой знакомой (век бы ее не знать!) Кардерине, или проще – Каре, вчера стукнуло аж целых семнадцать лет – первое совершеннолетие у демонов, когда им уже можно вступать в брак. Но своего голоса чада еще не имеют, что весьма удобно для их родителей, которые могут отдать свое дитя замуж или женить против его воли, продать или же вызвать на бой, чтобы прикончить. Да-да, именно прикончить!

Такому варианту я поразились, но для Кары все было логично.

До первого совершеннолетия молодые демоны неприкосновенны для родителей. И дело тут не в тонкой душевной организации юных чад и подобной трепетной дури. Просто не все рогатые любили своих отпрысков. Скорее, наоборот, истинная любовь случалась с обитателями бездны редко, а лелеять свое дитя, рожденное от нелюбимых, тяжело. Демонская натура такова, что многие отцы в порыве гнева могли и удавить своих наследников. Потому-то и существовал закон, который гласил: «Нельзя трогать юного демона до семнадцати лет». А уж как

дитя повзрослело, его разрешалось и на бой вызвать. Хотя случалось и обратное: когда наследники вызывали родителей на поединок. И даже побеждали. В общем, теплые семейные отношения царили в бездне. Прямо горячие.

– А тебя твой отец тоже... – заговорила я.

– Мой меня любил, – перебила крольчиха. – По-своему. И счастья мне желал. Тоже по-своему. Просто у нас разные представления о том, какое оно, это самое счастье. Для него – чтобы я была спутницей одного из верховных демонов мрака.

– А для тебя?

– А я не хочу всю оставшуюся жизнь провести рядом со стариком, запертая в четырех стенах. Рашириму больше восьми сотен лет. Он даже своих любовниц – и тех держит взаперти, поскольку жутко ревнив. Да, богат. Да, властен... Но я для него всего лишь способ объединить власть двух родов: моего и своего.

Кара говорила запальчиво. Сначала я подумала, что она преувеличивает... Но демонесса поклялась, что не врет. Когда ее жених сам ей пообещал, что прикует ее браслетом в спальне и не выпустит, пока она не забеременеет... отец лишь посмеялся над страхами дочери, сказав, что Раширим поступает мудро: собственная жена демона, мать Кары, сбежала от него, едва та родилась. А все потому, что он был неосмотрителен и давал свободу супруге.

В общем, теперь я понимала стремление Кары к свободе. Пусть даже удрать к людям (в мир за преградой, как его называли демоны) – и не самая блестящая идея. А не блестящая хотя бы потому, что теперь ей от меня, как от ее проводника в нашем мире, нельзя отдалиться. Тут уж не до путешествий по другим городам. Максимум – пять полетов стрелы или два квартала. Иначе может утянуть обратно. А там – пир, свадьба, радостный отец, ждущий блудную дочь, супруг, кандалы...

– Я вот только одного не пойму: почему твоя шерстка молочного цвета? – не удержалась я.

Вопрос, конечно, глупый. Но кто сказал, что любопытство и рациональное мышление должны быть рядом?

– Потому что я была в свадебном платье! И когда превратилась в эту пакость... – Крольчиха с отвращением зашевелила усами. Видимо, шкура ей не очень нравилась. – ...То брачный смысл остался, а вот цвет поменялся... Ну кто же знал, что у вас, светлых, брачный наряд траурного молочного оттенка? – возмущенно сказала она. – А не нормального, черного!

М-да... Такого выверта кроличьей логики я не ожидала. Но у меня самой вообще не было никаких вариантов, почему пушистая шкура у нее оказалась молочно-белой, посему... Как говорится, полный бред, подведенный под научную основу, уже не бред, а гипотеза.

Я свернула в один из переулков. Высокие стены из серого камня, затхлый запах сточной канавы, что журчала невдалеке. Зато так, напрямую, было быстрее. Стуча сложенным зонтом, как клюкой, и прижимая к груди крольчиху, я целенаправленно шла к площади. А точнее – к храму.

Не сказать чтобы жители приморского городка были уж больно набожны. Но лично я мессы любила и старалась не пропускать: у местного храмовника был на редкость усыпляющий монотонный голос, посему во время проповедей я отлично высыпалась. Главное было занять удобную диспозицию, а уж там...

Впрочем, сейчас меня обуяло отнюдь не стремление причаститься. Или поспать. Просто под второй скамейкой с правого края лежала спрятанная одежда. Моя. Я ее часто там оставляла. Это было совершенно безопасно. Храм в приморском городе – не самое посещаемое место. Кабаки в порту пользуются куда большим спросом... К тому же было весьма удобно переодеться в нише, за статуей богини Паринкры, которая отвечала за плодородие. Она и сама была широка, а уж ее плащ и вовсе закрывал обзор любопытным. Если бы те оказались рядом. Но за все пять лет я таковых ни разу не видела.

Чем ближе подходила я к храму, тем сильнее чесалось плечо. А потом и вовсе начало жечь. Да и мне самой, едва я взошла на мраморные ступени, как-то резко поплохело.

– Я же говорю, что ты ведьма, – убежденно встряла крольчиха. – А ты не веришь!

Я ничего не ответила. Лишь привалилась спиной к одной из колонн. А ведь эта мелкая пакость права: только темным дурно становится в доме светлых богов. Но этого быть не может! И я упрямо, скорее пытаюсь убедить себя, чем Кару, прошипела:

– Я не могу быть темной! Я даже писание знаю. Молитвы там. Даже два абзаца из жития святой Иоганны...

– Ну, значит, будешь ведьмой, цитирующей священное писание. – Крольчиха развела лапы в стороны, дескать, что такого-то.

А у меня дрожали руки, подгибались колени, а голова и вовсе готова была разорваться от боли. Пульс стучал набатом, и было ощущение, что череп сейчас затрещит по швам. В мозгу очумелой перепелкой билась одна мысль: как мне достать собственную одежду?!

Сглотнула, выдохнула и отлепилась от колонны. Чуть шершавый, нагретый за день жарким южным солнцем мрамор оставлять не хотелось. И правильно не хотелось. Едва я оказалась без опоры, как тут же пошатнулась. Но сцепила зубы. Как там говорят северяне? «Даже снег, падая, продолжает идти». Чем я хуже снега?

И я пошла. Шаг за шагом. Превозмогая боль и налегая на свою импровизированную трость, словно древняя старуха, я доковыляла до дверей. Еще никогда семь шагов не давались мне так тяжело.

Крольчиха, до этого стригшая ушами на моей руке, вдруг резко сиганула на пол.

– Ты что, ненормальная?! Тебе сюда нельзя! – заверещала она и даже лапой о мраморную плиту ударила.

– Ну, значит, ты сходи, забери мой сверток, – прошипела я.

– Может, мне, чистокровной высшей темной, еще и молебен вместо храмовника отслужить? Да если я сюда войду, то этот сарай развалится.

Словно вторя ее словам, над дверью от косяка и выше начала расползаться трещина.

Да что же у меня все так неудачно? Вчера склад взорвала, сегодня вот храм...

– Не пуцу! – оскалилось пушистое недоразумение и попыталось заступить мне дорогу.

Но тут дала о себе знать клятва, ударив ее разрядом в зад. Кара возмущенно взвизгнула, но поняла, что помешать мне не сможет.

– Ладно, суицидница, я тебя у ступеней подожду. Может, у тебя и получится, ты же вроде не полностью инициированная... – С этими словами крольчиха развернулась и, подкидывая зад с пушистым хвостиком, поскакала по ступеням вниз.

Я вдохнула, выдохнула и дрожащей от напряжения рукой взялась за ручку двери.

Как добрела до этой демоновой скамьи – не помню. Голова раскальвалась, из носа начала сочиться кровь. Казалось, все мое естество выворачивает наизнанку. Сграбастав сверток, я устремилась к выходу. Ну как устремилась... Улитки ведь тоже наверняка думают, что они те еще бегуны по сравнению с камнями. И сейчас я искренне надеялась, что я все же быстрее, чем эти слизни с раковинами.

Когда я вновь оказалась на улице, крольчиха сидела на нижней ступени храма и с грустным-прегрустным видом жрала окорок. Где эта прохиндейка добыла явно дорогой кусок свинины – вопрос отдельный. Но то, как Кара это делала – вздыхая, свесив длинные уши...

– Ты чего это? – удивилась я. Голос отчего-то изменил мне и вышел сиплым.

– Поминки, не видишь, что ли, – не оборачиваясь, истинно по-демонски рыкнула Кара. – Иди давай, куда шел...

И она вновь впила зубами в мясо.

– А кого поминаешь?

– Свою загубленную молодость. Ну и заодно – одну дуру...

Она не успела договорить, как до нее дошло, что, собственно, одна альтернативно одаренная еще вроде как жива и стоит у нее за спиной.

– Ура! Не сдохла! – заголосила Кара так, что редкие прохожие заборачивались.

Правда, она поумерила свою радость, когда внимательно посмотрела на меня. По ее словам, я отличалась от зомби лишь тем, что могла связно говорить. В остальном – типичный мертвяк с кожей симпатичного зеленоватого оттенка, с холодными руками и бескровными губами.

За комплимент я Кару конечно же поблагодарила, показав кулак, который та с энтузиазмом обнюхала. Нахалка!

– Труп познается в еде! – заявила я и затребовала у крольчихи половину ее добычи.

На удивление она поделилась:

– На, тебе сейчас нужнее.

До ближайшей подворотни мы шли молча. Я несла в одной руке окорок, второй опиралась на зонт. Кара тащила в зубах сверток с моей одеждой.

Скрывшись от людских глаз, я переделалась и поела. Первый раз за сутки. Не сказать чтобы это сильно помогло восстановить силы, но руки хотя бы уже не тряслись.

Домой я возвращалась, усиленно улыбаясь вечернему небу, раскланиваясь со знакомыми, что встречались по пути, и вообще изображая в меру счастливую благовоспитанную девицу. Но кто бы знал, каких усилий мне это стоило. На дне холщовой сумки, перекинутой через плечо, обретались порванная рубашка, штаны, рыжие ботинки и крольчиха с мослом, оставшимся от окорока.

И лишь когда я переступила порог дома, то смогла выдохнуть и облегченно прислониться спиной к двери.

Отец, вышедший мне навстречу, без слов обнял, будто не чаял уже увидеть живой. Я растерянно обняла в ответ. На глазах неожиданно выступили слезы, и я поспешила проморгаться. Зато матушка, вырвавшаяся в коридор из кухни, была куда речистее. За пару ударов сердца я узнала о себе много нового. И что я негодница, и что паразитка еще та, и что... В общем, матушка выражала свое беспокойство, как могла. А в том, что она переживала за меня и любила, я не сомневалась никогда.

– Ты знаешь, что вчера сгорели три ангара? Полыхало так, что от зарева светло было как днем! А еще этот маг, что прибыл по приказу императора, чтобы бороться с контрабандистами... – сердито начала матушка и потом чуть тише добавила: – Упокой, небеса, его душу... А ты ушла на дело. И тебя все нет... Что я должна была думать? Каким богам или демонам молиться?

– Скорее демонам, – перебила я.

– Что? – тут же напрягся отец.

– Знаете, кажется, я должна вам кое-что рассказать. И показать тоже.

И тут в сумке завозилась крольчиха, а потом и высунулась с ощеренными клыками, державшими мосол. Отец непроизвольно сложил пальцы щепотью, как вчерашний маг, но остановился, вспомнив, что он давно не чародей. Вторая же его рука потянулась за пояс, к металлическим звездам.

– Крис, замри, я сейчас его убью...

– Не надо! – устало выдохнула я. – Давайте лучше чаю попьем...

А спустя два удара колокола, когда был уже выпит не только чай, но и бутылка гномьего первача, потому что отцу «не думалось о таком на трезвую голову», я узнала кое-что интересное о себе.

Чуть больше девятнадцати лет назад, когда мой отец сбежал по дороге на каторгу, они с моей мамой скрывались от ищеек Ароса Бранда, верховного инквизитора его величества. И случилось так, что я решила появиться на свет чуть раньше срока.

Приграничье. Лес. Излом зимы – то время, когда по легенде идет Дикая Охота и всадники Вечного Холода ищут заплутавшие души. А у моей матери схватки. Как отец, уже будучи запечатанным, без толики магии смог найти дорогу к выселку, он и сам до сих пор не понимал. Ему тогда было все равно, у кого просить помощи для жены, роды которой оказались тяжелыми. Будет повитухой светлая – хорошо. Ведьма – тоже хорошо. Главное, чтобы спасла любимую и ребенка.

Старая ведьма, согласившаяся принять дитя, была темной. Я же никак не желала появляться на свет. А когда все же родилась, то была... мертвой. Душа еще не отлетела далеко, и ведьма смогла вернуть ее в тело ребенка. Но расплатилась за это своим даром, вычерпав его до дна.

– Она вдохнула в тебя тьму, – устало произнес отец. Он сидел за столом и задумчиво разглядывал кружку. – Старая Крисро отдала за твою жизнь самое ценное, что у нее было – остатки своего угасающего дара.

– Так меня назвали в ее честь?

– Да. Но я не думал, что ее слова, которые она произнесла, провожая нас на пороге своего дома, окажутся пророческими.

– И что она сказала? – Я даже подалась вперед.

– Что она ни о чем не жалеет. И что дар всегда найдет способ сломать преграду, – опередила отца мама, вставая из-за стола.

Она в абсолютной тишине наполнила чайник водой и поставила его на камень. Щелкнула по мордочке ленивую саламандру, что дремала в ближнем углу печи. Та, неохотно переставляя лапы, побрела кипятить воду.

– Лентяйка, – проворчала мать. Она всегда ворчала, когда нервничала. – И за что только я ее держу?

Как по мне, наша саламандра, раскормленная и избалованная мамой до безобразия, просто обнаглела в корень.

– Судя по всему, Крис, та капля тьмы, что досталась тебе при рождении, переплавилась твой светлый дар в темный, – задумчиво сказал отец. – А запечатана у меня и у моих потомков была лишь светлая магия. Поэтому мета и смогла сожрать печать.

О метах, точнее, магических метках я слышала. Отец как-то рассказывал, что такие есть у всех магов. У драконов в человеческом облике – маленькие татуировки в виде символов магической сути. У неиницированных оборотней – щенки. У ведьмы – плющ, у некроманта – ястреб.

– А черное пламя – это чья мета? – Я подняла взгляд на хмурого отца.

Но ответить он не успел. На этот раз его опередил голос из-под стола.

– Пожирателя душ. А точнее – пожирательницы, – радостно сообщила Кара.

Может, и стоило замереть в дверях, чтобы метательные звезды отца пришилили эту пушистую пакость?

Но крольчиха, словно не чувствуя никакой угрозы, продолжала невозмутимо глодать под столом мосол.

– Плохо. – Отец сжал пустую кружку, что стояла перед ним.

Да так сжал, что она пошла мелкими трещинами и раскрошилась, порезав его ладонь. А он будто и не заметил этого.

– Что именно плохо? – осторожно уточнила я.

– Плохо, что твоя мета сожрала печать. Теперь ты не только дочь осужденного, но и сама преступница. Поскольку взлом печати – одно из страшнейших преступлений в Светлой империи. И не важно, как это произошло. От сломанной печати остается хвост, по которому тебя легко найдут.

– И тогда в Темные земли... – то ли вопросительно, то ли утвердительно сказала мама, ставя на стол вскипевший чайник.

– Сейчас Черный властелин и Светлый владыка всю изображают дружбу. До зубовного скрежета, – мрачно сказал отец. – Если Крис поймают темные, то они с радостью сдадут ее светлым дознавателям. По дружбе...

Последние слова он словно выплюнул.

– А они обязательно поймают. Пожирателю душ тяжело скрыть свой дар, а уж с маяком в виде сломанной меты... – поддакнула крольчиха.

Я не выдержала и, нагнувшись, заглянула под стол:

– Слушай, зайнышка, а тебе, часом, шкурка не жмет?

Кара опешила. Даже мосол выронила. Впрочем, она быстро пришла в себя и опять невозмутимо захрупала, изображая, что она вовсе не плотоядная, а обычная такая крольчиха, которая грызет морковку. Морковку из трубчатой кости...

– Есть один выход. – Отец побарабанил пальцами по столу. – Но мне он не нравится.

Я и мама с одинаковым выражением лица уставились на него.

– Да вы сейчас во мне дыру прожжете. Четыре дыры, – поправился родитель. – Ладно... Военная магическая академия. Та самая, где готовят порубежников. При поступлении все адепты проходят там испытание. Но не браслетами Дианары, измеряющими уровень дара. Нет. Все маги военной академии, которую возвели на объединенных землях Лавронсов и Райосов, прикасаются к артефакту первородного мрака. А его влияние столь сильно, что меняется не только мета, но и аура мага. Значит, сгорят и остатки печати...

– То есть я войду туда со знаком пожирательницы душ и здоровенным хвостом, а выйду...

– Порубежником. С новой метой и без следа печати, – отчеканил отец. – Я не хочу тебе такой участи. Но оков и рудников для тебя я хочу еще меньше...

И тут раздался настойчивый стук в дверь.

– Именем пресветлой инквизиции! Открывайте!

Глава 2

В жизни всегда есть шанс. На провал – так точно. Вот и сейчас операция «избавиться от сломанной печати» накрылась медным тазом, не успев начаться.

Отец, не говоря ни слова и даже не встав со стула, опрокинул стол. Пушистая не успела возмутиться такому произволу, как была схвачена за уши и запихнута в сумку. Еще бы – она сидела на крышке люка, ведущего в подпол. Ну а то, что в этом самом подполе совершенно случайно находился выход в катакомбы – так спасибо отцу, который в свое время купил наш нынешний милый домик лишь за сию чудесную тайну. Вот только я искренне надеялась, что никогда не придется использовать этот ход. А если все же и станется – то спасая жизнь и свободу отца...

Я схватила две сумки: одну – с крольчихой, вторую – «тревожную», которая всегда висела наготове в кухне. В ней были документы, деньги и иные мелочи, необходимые для выживания и честного контрабандистского промысла. На миг задумалась, что две торбы будут мешать при беге, и... потеснив заю, втиснула «тревожную» в ту, где она сидела: в более вместительную, опять же зачарованную от намокания. Зая пробовала протестовать, но тщетно. Все это заняло не больше вдоха.

А затем прыгнула в подпол. За мной – мама. Отец – последним. И закрыл за собой крышку, перед этим бросив в кухню склянку с вонючей пакостью, которая отбивала нюх у оборотней, а на магов действовала как опьяняющий туман.

Мы бежали слаженно, не размениваясь на глупые реплики и ахи. Прямо. Поворот. Еще один поворот. Длинный узкий тоннель, после которого отец обвалил за нашими спинами свод. Спуск на уровень ниже. И все это – в кромешной темноте, когда путь освещает лишь тусклое мерцание магического светляка: его я успела прихватить со стены в подполе.

В боку нещадно кололо, я буквально задыхалась от затхлого, спертого воздуха.

– Все, больше не могу, – простонала за спиной мама.

Я услышала, как зашуршала ткань, и обернулась. Она стояла, прислонившись к стене. Ее была крупная дрожь.

– Ева, давай обними меня за шею. – Отец подхватил маму на руки.

Он сам едва держался на ногах: газ катакомб, о котором ходили легенды, требовал кровавую дань от тех, кто посмел шагнуть в его чертоги. Но мы, Кархецы, – упрямые. Да и не было пути назад. Я, как оказалось, преступница. Отец – беглый осужденный. А мама... Хотя на ней и нет вины, но кто будет разбираться-то?

– Давай сюда, направо. Там должен быть подъем на верхний уровень. А через три развилки – и выход к морю...

– У которого нас вполне могут ждать, – буркнула я.

– Не будут, – просипел отец, горло которого тоже разъедал газ. – Эти катакомбы остались после добычи ареллия – металла, что впитывает в себя магию. Конечно, здешнее месторождение не чета тому, что было когда-то под столичным Йонлем, но все же... Так что пока мы тут – тебя не засекут. Но вечность в катакомбах прятаться не будешь.

– И что остается? – Я держалась из последних сил.

– Море.

– Даже на почтовом бриге меня догонят. – Последние слова я произнесла сквозь кашель.

– Есть те, кого не догнать и на летной метле...

– А они согласятся? – не поверила я.

– Один точно согласится. Не все ведь чисты перед законом... Впрочем, как и я.

Из катакомб мы выбрались с рассветом. Ну как выбрались. Я и мама остались на верхнем уровне, а отец направился к морю. «Договариваться», как он сам сказал.

Я же, пока папы не было, занялась весьма важным и ответственным делом – порчей имущества. Точнее, моего личного свитка, который я выудила из своей сумки. Достав оттуда же самописное перо, сначала я поставила на свиток пару клякс. Так, вроде случайных, будто писарь, что выводил имя Крисро Кархец, был жутко небрежным. Потом, высунув от усердия язык, дорисовала несколько завитушек и стала Крисроном Каржецким. Также прибавила себе пару лет.

Когда к полудню вернулся отец, я была почти готова. Да и собирать особо оказалось нечего. Разве что одернуть юбку, заправить выбившийся из смоляной косы локон да перекинуть ремень сумки, в которой зая соседствовала с «тревожной» котомкой, через плечо. Ну и что, что поклажа будет бить так по спине, зато обе руки – свободны.

– Я с ним договорился. Домчит тебя до Салрунского порта за два удара колокола. А там – портал. Закажи его у местного мага прямо к воротам академии. До вечера ты должна успеть.

– Успеть добраться до академии? – уточнила я.

– Нет. Успеть в нее поступить, – отрезал отец и неожиданно крепко обнял меня, прошептал на ухо: – Как только выйдешь отсюда, беги к морю и не оглядывайся. Старина Вьенор будет ждать тебя в воде. Главное – не бойся.

– Хорошо, – сглотнула я.

Увижу ли я родителей еще? Очень хотелось в это верить.

– Беги, детка... И знай, мы с папой тебя любим. – Мама обняла нас вместе с отцом. – Беги, а я отвлеку внимание на себя.

Едва я оказалась под лучами палящего солнца, как помчалась со всех ног. Сумка колодила по спине, зая истерично повизгивала в торбе, страх и азарт бурлили в жилах. Еще бы... Вот-вот должны появиться инквизиторы, соткаться из полуденного марева, шагнуть из портала, ястребами обрушиться с неба на метлах...

Я щедро зачерпывала башмаками песок, пот струился градом, руки подрагивали. Успеть. Успеть. Успеть. Врезалась в волну, когда за моей спиной раздался крик:

– Это она! От нее идет след. Схватить!

Я обернулась и увидела, как в меня летит белый, выжигающий свет. И именно в этот момент мои ноги обвил здоровенный чешуйчатый хвост и дернул, утаскивая на глубину.

Я ударилась головой о дно, глотнув в избытке морской воды. А в том месте, где я стояла мгновение назад, вода вскипела, обдав жаром. Но это я почувствовала лишь вначале. А затем вода хлынула в горло, глубина стиснула грудь...

Удар, как мне показалось, о камень вышиб остатки воздуха. Я забила руками, силясь выплыть, и тут услышала голос:

– Хватайся за гребень, ненормальная. Второй раз из-под боевого аркана я тебя не буду вытаскивать.

Я схватилась за гребень морского дракона, чье тело напоминало здоровенного змея.

– Сейчас я вынырну, набери побольше воздуха, – предупредил мой спаситель.

Он резко ушел вверх, давая мне возможность сделать судорожный вдох, и буквально тут же нырнул обратно. Вода с силой прошлась по коже рук и лица.

Зая в сумке засучила лапами по моей спине: мол, что за произвол? Но в этот момент я ей только позавидовала: хорошо ушастой в ее торбе. Та, зачарованная, хотя бы не промокала. Хоть полощи ее в воде. А воздуха Каре должно хватить. Наверное.

Я прильнула к аквамаринovому гребню, вжалась в него, не думая ни о чем. Змеевидное тело извивалось, мощные плавники рассекали глубину. И вновь – стремительный подъем, чтобы я смогла сделать глоток. А затем – нырок. Соль на губах, брызги и солнечные блики на драконьей чешуе, когда сын моря вырывался на поверхность... Была в этом какая-то невероятная, дикая, безудержная красота и свобода. Сводящая с ума, пьянящая.

Я сбежала! И сейчас неслась сквозь морскую толщу на сильной спине, под которой волнами перекатывались мышцы.

Дракон, что вез меня, был уже немолод: чешуя кое-где побелела, утратив прежний насыщенный цвет, бока его покрывали шрамы, без слов говоря о лихом прошлом.

Первое время я лишь жмурилась, боясь сорваться с гребня, но потом освоилась. Осмелела настолько, что смогла разглядеть под водой, как от нас разлетались стаи пугливых рыб, как пестрые кораллы под нами резко сменялись черными впадинами, у которых, казалось, не было дна. От них веяло могильным холодом и страхом. Наконец мы приплыли. Дракон проскользнул под днищем здорового корабля, а потом аккуратно всплыл у одного из бортов.

Я вскарабкалась на его голову, которая начала все выше подниматься над волнами. Ровно до того момента, как моя макушка не поравнялась с нижней палубой. Выждав миг, когда матросы отвернулись, а пассажиры были увлечены беседой, я ловко перевалилась через борт и, никем не замеченная, затаилась за бочками. В торбе, которую закинула за спину, недовольно закопошилась Кара. Пришлось чуть ослабить тесемку, пуская внутрь сумки воздух. А еще – чуть прижать ее рукой, чтобы зая притихла.

Итак, фрегат обзавелся еще одним пассажиром. Вернее, двумя, судя по мстительно впившимся в бок когтям, пронзившим ткань сумки. Порыв ветра, ударивший неожиданно и наполнивший паруса, донес до меня едва уловимый голос дракона:

– Свой долг Вицлаву я отдал. А тебе удачи, темная.

Я не могла ответить дракону, но отчего-то захотелось улыбнуться.

Слова морского змея оказались пророческими: удача и правда наполнила паруса, и фрегат за четверть удара колокола домчался до пристани.

Я тоже времени зря не теряла. В одной каюте позаимствовала рубаху и штаны (оставив взамен свою мокрую юбку), в другой – пару сапог, пиджак, картуз и жилет, а также чемодан. Последний – для возмущенной до крайности, злой и взъерошенной заи. Правда, она поначалу лезть отказалась... Но нет ничего невпихуемого, если имеется желание.

Посему теперь в чемодане обретались не только Кара, но и остальные мои пожитки. А еще решила, что деньгам незачем храниться в одном месте, мало ли... Потому несколько золотых перекочевали в карман штанов и еще несколько – в голенище сапога. Подумала и достала еще и личный свиток, согласно которому отныне я была Крисроном Каржецким, и сунула его за пазуху.

В итоге, едва корабль причалил, я под видом легкомысленного лэра ступила на пирс.

– Цель прибытия? – дотошно осведомился служащий порта.

– Осмотр достопримечательностей, – широко и безмятежно улыбнулась я.

Служака задал еще один обязательный вопрос. Судя по тону, ему самому изрядно надоело говорить одно и то же, но...

– Везете с собой что-нибудь запрещенное?

– Собственное мнение и бутылку первача. – Я махнула потрепанным чемоданчиком, свято соблюдая первое правило контрабандиста: «Будь безмятежен с виду, имей запасной план в голове и всегда располагай к себе».

Вислая щека служащего дернулась в подобии улыбки, хмурый взгляд чуть потеплел. Стоявший передо мной не был магом. Он лишь записывал имена прибывших и проверял личные свитки.

– Собственное мнение – это плохо, а вот гномий первач – это хорошо, – улыбнулся он. – Открывайте чемодан. Проверим и то и другое. А еще – покажите документы.

– Может, я смогу сделать что-нибудь хорошее такому замечательному человеку? А чемодан – да и бездна с ним...

Мы поняли друг друга с полуслова и полувзгляда. Жаль, что золотой, который достала из кармана, на половину не делился. Пришлось отдать целый. Зато в книге прибытия теперь значился лэр Крисрон Каржецкий, а чемодан так и не был открыт для досмотра.

До порталной башни я буквально домчалась, не пожалев золотого на одну из спящих по небу летных лодок. Та донесла меня с ветерком. А затем был телепорт к стенам магической академии. Удалось уговорить местного штатного мага быстро его открыть: всего лишь подкуп, шантаж и угроза жизни престарелого чародея, и – вуаля! – я оказалась перед воротами военной магистерии. Правда, когда я уже шагнула в круг перемещения, маг завопил:

– Тревога, преступник!

Но клятва, которой я его связала, не дала ему возможности схалтурить в координатах выхода.

Теперь дело осталось за малым: поступить. Я собралась уже сделать шаг в распахнутые ворота, как что-то толкнуло меня в спину.

Сильно так толкнуло, ощутимо. Была бы я барышней с тонкой душевной и физической организацией – обязательно полетела бы носом вперед. Но я такой барышней не была, потому успела выровняться в последний момент. Но вот то, что синяк будет на полспины, я знала совершенно точно. Как специалист, которому доводилось их и ставить, и получать.

– Отойди, мелк... – Договорить неизвестный не успел.

Мы, контрабандисты, всегда славились тем, что с самым невинным взглядом творили самое отвязанное беззаконие. А в моем конкретном случае оно совершила даже не я, а мой чемодан, который резко качнулся назад.

Сдавленное шипение и ругань подтвердили: я рассчитала верно. Острый угол поклажи попал ровно туда, куда и задумывалось: чуть ниже пряжки ремня.

– Ой, – пискнула я и обернулась, изображая растерянность. – Я не хотел...

Вовремя успела проглотить «а»! Все же в военной академии предпочтение отдавали юношам, а мне позарез нужно было поступить. А уж там пусть ректор голову ломает, почему я девушка.

Напротив меня, держа на плече здоровенный столб, стоял маг. Ну как стоял... Конкретно в данный момент он скрипел зубами, а его взгляд буквально искрил бурлящей внутри силой.

– Не хотел, но усердствовал... – процедил он. – Тебя что, когда делали, отец не старался, а мать – не хотела?

– По себе судишь? – сощурилась я.

Меня одарили таким взглядом, словно хотели на месте испепелить. Были бы свободны руки у моего обидчика – наверняка запустил бы заклинанием.

– Да чтоб у тебя, мелкий гаденыш, время лечило все, но как в бесплатной целильне! – Его жесткие губы чуть дрогнули в усмешке.

И что самое противное, я тут же почувствовала, что на мои плечи словно опустилась почти невесомая белая дымка, сотканная из этого сомнительного пожелания. Гад! Причем светлый, судя по тому, что меня наградили не явным проклятием.

Вспомнились слова отца, когда он лежал в лечебнице с переломанными ребрами, едва живой. Это было сразу же после того, как мы появились в порту. Я тогда спросила: можно ли простить врага? И он ответил, что небесные боги простят! А его задача – лишь организовать их встречу.

Эту простую истину я запомнила навсегда. И сейчас глянула снизу вверх на будущий труп. И правда, из мага хороший бы получится покойник, симпатичный. Он был статен, высок. В нем чувствовалась мощь мужского тела. Такое небеса создают не для мира, для войны: сильное, гибкое, быстрое.

Темно-каштановые волосы были перехвачены кожаным ремешком в короткий хвост. У мага была чуть смуглая кожа, как у иных темных. А в глубине насыщенно-синих, как мор-

ская глубина, глаз незнакомца плескалось обещание прихлопнуть сопляка, что вздумал ему дерзить.

С таким типом опасно вступать в открытый бой. Если он нападет – пощады не будет. Зато мне нет равных в диверсиях. Так что... Еще раз окинула взглядом противника.

– Могу пожелать в ответ: чтоб ты, каштанка, стал знаменитым! – прошипела я и уточнила: – Пусть твоим именем назовут болезнь!

От меня прошел темный туман, ударив в грудь светлого. Судя по тому, как он пошатнулся, проклятие обрело силу.

– Темный, ты что, бессмертный? – спросил светлый, уже справившись с болью, да так, что ни один мускул на лице не выдал его состояния. – Советую забрать свои слова назад и извиниться...

Я сделала вид, что размышляю над его предложением.

– Прими мои искренние... издевательства. – Я нахально и широко улыбнулась, именно так, как это делают чернокнижники, подтверждая расхожее мнение, что легкая придурковатость делает темных практически неуязвимыми.

Судя по тому, как изменилось выражение лица светлого, его изумление медленно, но верно сменилось ощущением полного офигевания от степени моей наглости.

Я бы с радостью доказала, что это еще не предел, но мне нужно было торопиться. Все же поступаю в военную академию. А то, что прием вроде как во всех магистериях империи закончился пару седмиц назад, с последним днем месяца жатвеня, – так то сущая ерунда. Подобная мелочь меня никогда не смущала.

Я повернулась и гордо (а еще быстро, ибо вовремя отступить – это тоже искусство) зашагала через ворота к башне академии, гадая, попытается каштанка запустить мне в спину магией, бросив-таки свой столб на землю, или нет.

Не ударил. Честный. Не был бы таким, засветил бы между лопаток пульсаром, наплевав на свою ношу. А этот, гляди ты, чтит правила, не бьет в спину. Хотя я уже приготовилась отскочить в сторону.

Столбоносца окликнул кто-то из адептов, и мне стоило большого труда не обернуться.

Сразу за воротами и каменной стеной был двор, по которому сновали и кадеты в форме, и молодые люди в обычной повседневной одежде... Что именно каштанка ответил знакомому, я уже не расслышала, потому что спешила к зданию академии, что стояло невдалеке. Оставалось всего лишь пересечь площадку, вымощенную булыжником, потом промчаться по аллее. А за ней уже маячили беломраморные ступени лестницы.

Я шла вперед, а мысли возвращались к тому синеглазому паразиту. С такого станется меня на дуэль чести вызвать. Одним словом... благороднущий. Вот на всю голову благороднущий. Прямо как главный дознаватель, что пару лет назад прибыл в наш порт и заявил, что искоренит в Хорсе контрабанду. Законник тогда гордо толкнул прямо на пирсе проникновенную речь о борьбе с преступностью. Но закончить не успел – провалился. Доска под его ногой оказалась со слабиной. Еще бы дереву не быть таковым, если снизу его в это самое время грызла заговоренная на бесшумную работу пила... Ибо, пока добро разглагольствует о планах, зло молча трудится в поте лица. В итоге дознаватель тогда так печально упал, так неудачно расшибся о волны, что слегка тронулся умом.

Градоправитель Хорса оказался гораздо умнее. Он не только запроса на нового законника в столицу не сделал, но и о досадном падении явно не упомянул в отчетах. Потому пару лет в порту был главный дознаватель, который мог спросить миграционный пергамент у вылезшего на берег краба, а на плоскодонку, причалившую в полночь в бухте Вздохов, и внимания не обратить...

Хорошее было время. Жаль, закончилось, когда прибыла очередная проверка. Поцелованного рыжей белочкой законника сменил новый, суровый и не столь разговорчивый. Контрабандисты, и мой отец в том числе, приуныли, но ремесло свое не забросил ни один.

С такими мыслями я дошла до середины аллеи и украдкой оглянулась. Светлого в воротах уже не было. Повертела головой и увидела, как этот столбоносец тащит свое бревно куда-то к ангарам, что располагались чуть сбоку от самой академии, чье здание было прямо по курсу.

Я задрала голову вверх: зеленые кроны над моей головой не могли скрыть три острых шпиля магистерии, которые пронзали небо своими иглами. У меня невольно возникла мысль о короне с зубцами. Над левым из них реяло полотнище черного цвета, на котором серебристый ястреб держал в когтях плющ, – это, судя по всему, крыло темных. Над центральным развевался серый флаг с изображением перекрещенных мечей – черного и белого, а над третьим в данный момент чья-то шаловливая рука с помощью магии пыталась закрепить... парик. Добротный такой парик с буклями.

– Ты пришла навестить брата, малыш-ш-шка? – неожиданно прошипело у меня над ухом.

Я вздрогнула и отпрянула в сторону.

Рядом со мной был гигантский огненный змей, что сейчас приподнял голову над землей так, что наши глаза оказались на одном уровне. Мои – карие, наверняка сейчас круглые от удивления, и его – янтарные, с вертикальным зрачком.

– Откуда вы...

– Я виувир Ше-с-се, – прошипел змей, и его язык затрепетал в воздухе, словно пробуя на вкус: не много ли вокруг разлито фальши и обмана. – И я способен видеть ис-с-стину, под чьей бы личиной та ни скрывалась. И в чем бы она ни пряталась.

Кончик хвоста, что возвышался над телом виувира, свернутым в несколько тугих колец, качнулся, указывая на мой чемодан.

Я задвинула свою поклажу за спину. Так, на всякий случай.

– Уважаемый Шессе, раз вы видите меня насквозь, может быть, подскажете, где можно найти ректора? Я хочу стать порубежником...

Виувир беззвучно смежил веки, его пасть оскалилась, и показались острые и длинные, как шила, ядовитые клыки. Судя по всему, огненный змей так смеялся. Да и пламя, что танцевало на его чешуе, казалось, усмехалось.

– Собралась она в боевые маги! Да знаешь ли ты, глупая, что прием уже закончен. Завтра будет присяга на артефакте Мрака! Сюда поступают лучшие из лучших, сильнейшие из сильнейших, достойнейшие из достойнейших... – начал он и, на миг замолчав, добавил: – Темные.

Эта заминка насторожила меня. Я ощутила подвох. Так жена чувствует заначку супруга, так пропойца идет на запах браги, даже если бутылка зарыта в куче отбросов...

– А светлые? – спросила я.

– А светлые – кого направит император.

Мне стало любопытно. Но страж академии, точно какой-нибудь пират или, того хуже, налоговый стряпчий, затребовал мзду за ответ. И при этом нагло заявил, что чует, что у меня с собой есть старинное оружие. И если я соглашусь его обменять на бесценные знания виувира...

Я прикинула, что удар колокола у меня в запасе есть, а вот четкого плана, как стать кадетом, – нет. К тому же единственное старинное оружие, которое у меня имелось с собой сейчас, благополучно переваривалось в Каре, так что... я ничего особо не теряла.

Да и змей не обладал такими уж великими тайнами. В общем, наш с огненным гадом взаимный обман начался с обоюдной полуправды.

Я согласилась на требование змея об оплате (нет, ну если он хочет, пусть подождет, когда тот... хм... клинок вывалится из зайчихи) и узнала, что чародейская военная академия, что стояла на объединенных землях Лавронсов и Райосов, все же была больше темная, чем светлая. Хотя официально обе ветви магии были равны. Но порубежников больше уважали темные,

ставаться с кровными?) избавиться от тяжелых монет в напоясных кошельках. Схватила Кару за задние лапы и энергично потрясла вниз головой.

Та, то ли опешив от моих варварских действий, то ли завидев огненного удава, оцепенела. И таки рассталась с клинком. Правда, последний вышел из заи не снизу, а сверху... А потом под мои ноги плюхнулся ком. Было там много всего. В том числе и остатки сабли. Вот зря мой заказчик отказался от милого кролика!

– Что ты делаеш-ш-шь? – изумленно прошипел змей.

Я гордо отошла от кучки из окорока, остатков клинка и... чьей-то подметки. А еще, судя по всему, нервничавшая зая сточила оберег от злых духов – три лепестка, заключенные в круг. Такие амулеты обычно вешали над входом в лавки, таверны, постоялые дворы. Судя по тому, что демонесса одним из них подзакусила, то у конкретного амулета явно вышел срок годности. Или хозяину заведения подсунули контрафакт. Ну или моя заяка просто очень сильно нервничала... Я сделала себе пометку: в дальнейшем не полагаться на обереги от нежити, пока их не протестируют зубы Кары. А то предъявишь такую висюльку вурдалаку, а он чихать на нее хотел... Как-то неудобно получится.

– Выполняю уговор, – пожалала плечами. – С вас был рассказ. С меня – оружие...

– Вообще-то твое оружие – это подчиненный высший демон. – Виувир плотоядно облизнулся на Кару.

Кара, которую я уже перестала держать вниз головой, боязливо поджала уши. Я погладила ее по голове, чисто машинально, и спокойным, чуть занудным тоном судьбника начала:

– Уговор был об оружии. Но о каком именно – не уточнялось. Это во-первых. А во-вторых, – я подняла пушистую чуть выше, – Кара – не подчиненный демон, а дикий, к культуре и цивилизации не приученный. К тому же она несовершеннолетняя. Посему труд в качестве оружия в ее возрасте ограничен, а разврат и насилие и вовсе запрещены.

Я несла отборнейшую чушь, которой изумились и ушастая и змей. Последний даже икнул.

Пользуясь тем, что они находились в состоянии, близком к шоку, и не начали звать санитаров к «этой ненормальной, пока она еще не буйная», я быстренько закончила свою речь:

– Так что берите огрызки сабли. Я свою часть уговора считаю выполненной!

– Хитра и изворотлива, как нас-с-стоящая черная ведьма... – только и протянул спустя пару ударов сердца виувир. – Прямо такая, каких совсем не любит наш нынешний ректор, лэр Анар. А я не люблю его... Так что от меня тебе, малышка, подарок. Ровно на два удара колокола я забираю на себя хвост от твоей сломанной печати...

И он проскользил вокруг меня, заключив в кольцо.

Почему ректор не любит ведьм, спросить не успела: змей, словно в издевку, оскалился и начал таять в воздухе. Зато я поняла, кого искать, и пошла туда, где водятся пугливые на черных ведьм ректоры. Правда, перед этим я запихнула пушистую обратно в чемодан. Не сказать, что это удалось мне без усилий. Кара отчаянно упиралась всеми лапами и протестовала. Даже процитировала мне меня же, заявив, что она не совсем совершеннолетняя, юная... и вообще это насилие над личностью – запирает ее в зловонном деревянном ящике!

В чемодан Кара согласилась вернуться только при условии, что я выкину из ее временной обители алхимическое оружие массового поражения, именуемое в народе «носском мужским, полудырявым, частично грязным».

Спустя четверть удара колокола я стояла в кабинете ректора и была занята весьма важным делом: доводила лэра Анара до белого каления. А если проще – бесила.

Правда, ректор оказался крепким орешком, не поддающимся на подкуп, шантаж и проникновенную историю круглого, но дюже талантливой сироты с сильным даром. В общем, типичным темным. А что еще ждать от лэра, на долю которого выпало укрощение буйного нрава нескольких тысяч сильнейших боевых магов в полном расцвете сил и молодецкой дури?

– Так что в вашем прошении зачислить вас, юноша, на факультет порубежников я вынужден отказать, – не моргнув глазом заявил Анар и побарабанил длинными пальцами по столешнице. – Каждый из них поступил сюда, пройдя отбор и доказав, что он достойнейший из достойных.

– То есть, лэр Анар, иными словами, никто из них мне добровольно места не уступит? – уточнила я, прищурившись.

– А вы, однако, наглец... – По мне прошлись взглядом – от кончиков сапог до головы, задержавшись на лице.

– Всего лишь хочу уточнить, настолько ли хорошо ведется отбор в вашей академии. Вдруг сюда поступил кто-то слабый духом?

– И это говорит мне сопляк, явно хилый телом? – Ректор иронично вздернул бровь. На его абсолютно лысом черепе играли солнечные блики. Внушительная фигура явно воина, а не писчего, казалась расслабленно-спокойной. Но я по опыту знала, что нет ничего опаснее, чем подобная невозмутимость.

– И все же вдруг? – не отступалась я, понимая, что играю с огнем.

– В. Моей. Академии. Слабаков. Нет. – Он чеканил каждое слово, а я кожей ощущала, как в солнечный летний день по стенам кабинета пополз иней.

– А если есть? Если я найду хотя бы одного?

– Упрямя... Готов поставить на кон свою жизнь?

И взгляд прямой. Глаза в глаза.

– И жизнь и дар. – Я сжала зубы.

У меня в запасе было всего два удара колокола. Это подтвердила и зая, заявив, что сейчас не чувствует на мне следов печати. Да я и сама ощущала, что после того, как виувир обернул вокруг меня кольцо своего тела и исчез, мне стало свободнее, что ли. Легче давался каждый шаг. Словно я сбросила с себя нетяжелую, но длинную мантию, из тех, которые начинаются на твоих плечах, а заканчиваются через пару домов, а то и через половину квартала от тебя.

Пока ректор не понял, не учуял сломанной печати, у меня был шанс. А не успею – сдаст лэр Анар бедную Крис с потрохами инквизиции.

И вот едва помянула последнюю, как в дверь настойчиво постучали.

– Господин ректор... – донесся голос секретарши из-за двери.

А ведь я эту гарпию, чтобы попасть в кабинет, специально из приемной выманивала, между прочим. На это ушло два золотых и один адепт, который был не прочь их заработать. В итоге из приемной секретарша вылетела, расправив свои рудиментарные крылья, с криком: «Адепт Вириус, отдайте немедленно приказ!»

Парень, не будь дурак, подналег не на дипломатию уступок, а на собственные ноги. Зато мне путь был расчищен.

И вот теперь вошедшая в кабинет ректора – Вегарда Анара – гарпия узрела меня и осеклась. Ее клюв недовольно щелкнул, и она произнесла:

– ...вот приказ на подпись о зачислении. Все группы сформированы. Свободных мест нет, – и протянула ректору чуть помятый лист.

Тот самый, который спер мой «наемник». Значит, отвоевала. Интересно, что стало с тем смельчаком? Надеюсь, гарпия его съела. Все же мертвый свидетель лучше живого. А соучастник – тем более. Судя по кровожадному взгляду этой внушительной дамы с прической из перьев вместо волос на голове, она вполне могла неосознанно помочь мне спрятать концы если не в воду, то в свой желудок...

Да и вообще, от этих гарпий можно всего ожидать. Не птица, не человек, всегда злая и готовая атаковать – в общем, идеальный секретарь, который стоит на страже дверей начальства. От человека в гарпии было тело. Правда, на спине имелись небольшие крылья. Лицо с такими же глазами, как у людей, а вот вместо привычных рта и носа – загнутый клюв.

– Госпожа Рэм, я, пожалуй, подожду немного. Вечером подпишу. – Ректор перевел на меня внимательный взгляд и добавил, обращаясь уже ко мне: – Так что вы поняли, Крисрон, сколько времени у вас в запасе.

Я ничего не ответила. Лишь кивнула.

Ректор дернул кончиком своего чуть острого уха. Вот если бы не эта особенность, я решила бы, что Анар – чистокровный человек. А так... Интересно, кто у него был в роду? Темные эльфы... Хотя нет, скорее тролли. Те как раз часто бывают лысыми. И здоровыми, точно буйволы.

– Тогда свободны! – отчеканил ректор.

Я поспешила испариться из его кабинета. А спустя ровно удар колокола на его стол легли два листа. Один – прошение об отчислении. Второй – о зачислении.

Найти слабейшего светлого мне помог еще один потраченный золотой и темный, чье лицо украшал фингал – презент, полученный явно не на благородной магической дуэли, а в плебейской драке. Правда, последнее выяснилось чуть позже, в ходе разговора с моим «осведомителем».

Уже по тону виувира и реющему над шпилем светлого крыла парикю я поняла, что, несмотря на то что вроде бы между сынами тьмы и солнца мир и равноправие, на деле все слегка иначе. Беседа с обладателем фингала по имени Рейзи это только подтвердила.

Особенно яростное противостояние было у младших курсов.

Черные маги недолюбливали светлых за то, что те идут без конкурса, в то время как некроманты и ведьмы в прямом смысле сражаются за право поступить сюда. На самые искренние в мире чувства, то бишь злость и зависть, светлые отчего-то отвечали не с положенным им смирением, а если и подставляли щеку для удара, то при этом за спиной готовили ответный грандиозный магический кукиш своим обидчикам.

В общем, меня с радостью проконсультировали, что на первом курсе есть некто Марм Гарди. У парня был «слабый», со слов Рейзи, дар. Хотя по мне, шесть единиц из десяти – это уже полноценный боевой маг. У моего отца была девятка, и ему прочили будущее великого мага... Когда-то.

Но для темного, у которого была семерка, Гарди являлся слабаком.

– Самое главное – он трус. От трех дуэлей отказался!

– От моей не откажется, – уверенно заявила я, припомнив все, что знала о дуэлях из рассказов отца.

Папа говорил, что противники должны оба быть магами. Стоять друг напротив друга. Использовать только чары. Вроде было что-то еще... Но я на это махнула рукой. Главное, что победитель признаётся правым.

– А тебе-то зачем его вызывать? Ты же даже не кадет...

– Этот светлый занял мое место. – Я даже почти не солгала. Хотя и узнала имя Гарди вот только что.

– А-а-а... – глубокомысленно протянул Рейзи, потрянув черными, курчавыми, как у барана, волосами.

Спустя пол-удара колокола мы с моим осведомителем, который под предлогом «тебе, Крис, нужен секундант» увязался за мной поглазеть на магический мордобой, поджидали светлого за углом... в уютном и малолюдном месте, где никто не побеспокоит двух магов, ведущих расчеты по долгу чести.

– А как пользоваться магией, чтобы атаковать? – небрежно поинтересовалась я у темного.

У Рейзи дернулся фингал, под которым где-то в глубине скрывался основательно заплывший глаз.

– В смысле пользоваться? – наконец нашелся он. – Ты что, не...

– Решаю проблемы по мере их поступления. – Я равнодушно пожала плечами.

Не рассказывать же ему, что отец учил меня, как обходить магические ловушки, как снимать защиту с помощью амулетов, как обращаться с артефактами. Но вот управлять силой... До недавнего времени мы думали, что у меня ее нет.

– Какой у тебя хотя бы уровень, чокнутый? – запоздало спросил Рейзи.

– А какой он обычно у пожирателей душ? – невинно спросила я.

Вот если бы я сказала, что болею серой гнилью или моровым поветрием, – от меня бы и то так резко не отшатнулись.

– Ты пожиратель? Предупреждать же надо!

Зачем предупреждать и от чего, я спросить не успела. Впереди показался тощий как щепка юноша с огненными вихрами. Упрямо поджав губы, он нес перед собой охапку свитков.

– О, а вот и Гарди. Главное, пожиратель, его не убей. Не то чтобы мне этого конопатого жаль... Но забирать душу у живого мага слегка незаконно.

– Может, тогда подскажешь, как ломик наколдовать?

– *Фэйронтро* – заклинание огня. Вкладываешь в его бета-структурную ось две единицы силы. Задаешь координаты перемещения объекта! – это он уже проорал на бегу, удирая от меня в кусты.

Ну да, заросли барбариса – лучшая диспозиция для секунданта, не иначе. Оттуда и обзор лучше, и вообще – комфорт и благодать.

Гарди приближался, буравя взглядом брусчатку под ногами.

– Ты, случаем, не знаешь, как это «вкладываешь в его бета-структурную ось две единицы силы и задаешь координаты перемещения объекта»? – поинтересовалась я у своего противника.

– А? – Рыжий поднял на меня взгляд янтарных глаз.

Пришлось повторить вопрос.

– В учебнике прочитай. Структурные формулы заклинаний на первых занятиях проходят, – буркнул светлый.

И хотел уже пройти мимо. Но я загородила дорогу. Шагнула вбок, становясь у него на пути. Он шагнул в другую сторону.

– Как же вы, темные, меня достали! – сквозь зубы прошипел он.

– И еще не так достанем, – радушно заверила я.

– Что тебе надо?

– Узнать, как вливать силу в эту самую бета-структуру.

– Серьезно? – удивился рыжий. Судя по всему, раньше к нему подходили со слегка другими вопросами.

– Абсолютно, – заверила я.

– А потом ты отвяжешься.

– Почти, – уклончиво ответила я.

– Хорошо.

Судя по всему, мне попался до жути миролюбивый светлый. Я бы на его месте уже давно какую-нибудь гадость сделала. А этот начал мне объяснять про то, как разбивается заклинание на структуры, как определяются альфа-, бета- и гамма-ориентиры, как задается направляющая вращения... И самое удивительное, я поняла все с первого раза.

– Жаль, – искренне сказала я.

– Чего? – сморгнул светлый.

– Жаль, что теперь придется вызвать тебя на дуэль.

– А зачем про заклинание тогда спрашивал?

Кажется, Гарди только что вынырнул из омута теории и... обиделся! Вот натурально оскорбился. В его глазах прямо-таки читалось: и ты туда же!

– Просто мне нужно было узнать хотя бы одно боевое заклинание, чтобы было чем драться. – Я развела руками.

– Дуэли между кадетами запрещены правилами академии, – заученно произнес Гарди. Взгляд при этом у него был безжизненный, как у куклы.

– А я и не кадет.

– Но вызвать меня на дуэль жаждешь? – уточнил рыжий.

Кусты подозрительно зашуршали, но он не обратил на это никакого внимания. Очень спокойно подошел к стене и... начал стучать об нее лбом.

– Э-э, ты чего? – озадаченно протянула я.

– Может, хоть так мне удастся понять вашу темную долбаную логику! – не прекращая бодать башкой стену, монотонно бубнил Гарди. – Понять эту академию и... все это.

Я смотрела на чуть сгорбленную спину рыжика. В чем-то Рейзи был прав. Ну какой из Гарди боевой маг? Может, чародей он хороший. Терпеливый. Опять же объясняет отлично...

– Слушай, а ты сам хочешь здесь учиться? – с надеждой спросила я.

Рыжик даже оторвался от своего архиважного занятия погружения в ментальные особенности темных.

– Издеваешься?

– Серьезно, – заверила я.

– То ли ты дурак, то ли садист, то ли...

– Пожиратель душ, которому очень нужно стать кадетом.

– Мне тоже нужно. – На меня посмотрели зло, отчаянно. – Я не могу послушаться приказа императора. Это мой долг.

– Даже если этот долг сгибает тебя в бараний рог? Ломает? Заставляет отказаться от своей сути?!

– Да что ты знаешь!

Все же я сумела разозлить рыжика. Он повернулся ко мне, бросив на землю свои драгоценные свитки. Сжал кулаки так, что на костяшках запольхал огонь.

– Знаю. – Я упрямо мотнула головой. – Знаю, что за свою свободу нужно бороться.

– Я герцог Гарди. Мой род издревле служил императору. И если владыка приказал, чтобы я стал порубежником, значит, таков мой долг.

– Стать никудышным порубежником или одним из лучших магов-теоретиков? Кто из этих двоих принесет больше пользы?

Рыжий опешил, не веря своим ушам. Угадала! Попала в яблочко с завязанными глазами.

– Откуда знаешь про теоретика? – потрясенно спросил Гарди.

– Не знаю. Просто ты хорошо объясняешь. Вот я и подума...

– Думай так и дальше, – отрезал Гарди. Ярость у него схлынула, он взял под контроль свою силу. – И иди отсюда.

– Все-таки придется вызвать тебя на дуэль. А ведь мне на миг показалось, что мы сможем договориться... – расстроилась я. – Подожди. Сейчас только твоего секунданта из чемодана достану. А мой уже в кустах сидит. – Я полезла за Карой. – И мы начнем.

А светлый... при виде Кары он не захохотал. Заржал! И чего, спрашивается? В правилах дуэли вроде не оговорено, как должны выглядеть эти самые секунданты... Или оговорено?

Тем не менее Кару я достала. Она прижала уши и выплюнула остатки сорочки. Так, словно и не жевала ее мгновение назад.

– Ты псих? – отсмеявшись, спросил рыжий.

– Нет. Просто я чту дуэльный кодекс. А вот ты – дурак, добровольно зарывающий свой талант в угоду мнению императора. Мало ли что он приказал?

– Ты говоришь не как дворянин. А как преступник. – Гарди принял характерную позу: ноги чуть враскорячку, одна рука вытянута раскрытой ладонь вперед, вторая отведена чуть назад, над головой, словно в ней невидимое копье.

– Ой дура-а-ак... – тихо простонала рядом со мной зайка.

Правда, кого из нас двоих она имела в виду, я не поняла.

А дальше я сделала так, как недавно объяснил мне сам Гарди. Мысленно представила структуру, а потом, чуть прикрыв глаза, словно посмотрела внутрь себя.

Отец не раз говорил об источнике, о том, что каждый маг его чувствует по-своему. У него источник был родником, из которого папа зачерпывал свою силу словно пригоршнями. А у меня... у меня была здоровенная расщелина с клубами черного тумана. Я потянулась к нему, вбирая в себя, направляя, приказывая течь через мое тело в ладони.

Распахнула глаза и увидела Гарди все в той же позе, но его взгляд был полон изумления. В моих руках был не огонь, а первородная тьма, внутри которой бесновалось сжатое дикое пламя.

– Десятка... – замороженно прошептали из кустов барбариса, а затем из колючих зарослей вылез и сам Рейзи. Он крикнул, уже обращаясь к рыжему: – Беги, придурок. Тебя с шестью единицами никакая защита не спасет.

Но рыжий лишь упрямо сжал губы.

– Марм Гарди! Ты признаешь, что занял в академии мое место? – крикнула я, едва удерживая в руках беснующуюся сферу.

– Ни за что, – рыкнул рыжий, выстраивая щит и одновременно второй рукой в воздухе чертя руны.

– Тогда я вызываю тебя на дуэль.

– Пусть, кто прав, рассудит поединок. – Рейзи, судя по всему, произнес ритуальную фразу.

Я не смогла больше сдерживать сферу, и та полетела в рыжего. Темный оказался прав: щит Гарди мгновенно смяло, руна, наверняка атакующая, была проглочена тьмой. Светлого протащило по брусчатке, потом по газону и впечатало в столб.

Миг – и я увидела, как от его неподвижного тела, которое напоминало сейчас окровавленную тряпичную куклу, отделился дух.

Осознание того, что я совершила, ошпарило внутренности кипятком. Не помню, как оказалась рядом со светлым. И пусть магом я была никудашным, но, как спасти жизни, знала отлично. Это в моем ремесле был весьма важный навык.

У рыжего была рассечена кожа на шее и, судя по тому, как била кровь, повреждена артерия.

Так, Крис, сосредоточься, у тебя всего несколько мгновений. Надо пережать. Чуть отвела руку. Указательный и средний пальцы – прямые. Остальные – сжаты в кулак. Ударила точно. Попала как раз выше повреждения. Кровь перестала бить.

А потом, скорее чутьем, чем осознанно, потянулась к душе.

– Может, не стоит его есть?

Рейзи стоял рядом. Он был бледным как полотно. Объяснять, что жрать душу я и не собиралась, было некогда. Зато я увидела, как ногти на моей руке, той, что тянулась к призрачному светлomu, удлинились, превратившись в когти с крючьями. И зацепили душу. Та забила, словно пойманная в силки.

На миг меня окатило желание и вправду ее съесть. Оно родилось изнутри, оттуда, где клубился источник моей силы. «Ты станешь сильнее...» – будто шептала тьма.

Но я стиснула зубы и со злостью запихнула душу обратно в тело. Буквально вбила ее. И тут же сама потеряла сознание.

В себя пришла от звонкой пощечины. Надо мной нависал ректор.

– Может, объяснишь, что тут произошло?

Все та же лужайка. Уже не бледный, а синюшный Рейзи. Чемодана с Карой нигде не было.

– Меня убедили, – прохрипело сбоку, – что быть порубежником – не мое призвание.

Рыжий сидел, прислонившись в столбу. Его глаза были закрыты.

– Интересно... – протянул Анар.

– Знаете. Я только сейчас понял, что жизнь у меня одна. И гробить ее на то, чтобы стать слабым порубежником... Именно слабым. – Он горько усмехнулся. – Ведь сильным с моим уровнем дара мне не быть... Да и не хочу я им становиться. Совсем. – Гарди выдохнул и решительно закончил свою речь вопросом: – Могу я написать заявление об отчислении?

– Пойдешь против приказа? – вскинул брови ректор.

– Зато не против себя, – возразил рыжий.

– Управился в удар колокола. – Меня смерили оценивающим взглядом. – К тому же пожиратель душ. Что ж... Свое место ты сумел отвоевать.

Глава 3

Спустя совсем немного времени мы все были в приемной. Рейзи переминался с ноги на ногу и бледнел. Я писала заявление о зачислении, рыжий – прошение о том, чтобы его исключили по собственному желанию. Перо в моей руке подрагивало, то и дело ставя кляксы. А взгляд нет-нет да и косил на светлого. Точнее, на его шею. На ней сейчас был едва заметный шрам. Все же целители в военной академии свое дело знали.

А мне, наверное, этот самый шрам будет долго сниться. Внутри поселился страх. Я едва не убила Гарди. Нет. Даже не так. Я его убила. И в какой-то момент даже не хотела спасать. Был слишком велик соблазн взять душу, а с ней и силу рыжего. Миг я колебалась: спасать или отнимать. И вот это было самое страшное.

Я осознала, что значит быть пожирателем: каждый раз бороться с искушением стать сильнее за счет смертей других. Вот почему у темных пожиратели (или уничтожающие души) – это особая каста. Как и порубежники. Последние, борясь с дикими порождениями мрака, вырвавшимися в наш мир, могли выжечь вместе с тем же гааком целую деревню. И Темный владыка не упрекнет такого порубежника гибелью нескольких сотен простых темных. Ведь главное – остановить демона, который может сожрать не только маленький поселок, но и целый городок. Оттого порубежников не любил простой люд. Не любил, но уважал.

А вот пожирателей ненавидели все. А боялись еще больше. С силой магов, способных выпить душу, приходилось считаться. Один лишь закон ограничивал пожирателей: не забирать дух из живого тела. И то, как я поняла из рассказов отца, не всегда.

Но вот о чем я не думала никогда – что стану одной из тех, кто способен уничтожить душу. И от этого было страшно: что, если однажды я не удержусь и, вместо того чтобы спасти...

Нет! Я должна найти выход. Научиться контролировать себя. Сдерживать свою магию...

Заявления, едва мы с Гарди их написали, тут же отправились на стол ректора. Анар прочел сначала одно, потом второе, хмыкнул себе под нос:

– Нельзя было доверять набор Хагунгру... Опять слабые духом попались. Хорошо, что хотя бы в этом году без девок обошлось...

Я невозмутимо посмотрела в окно.

Поняв, что список поступивших придется переписывать заново, гарпия зыркнула на нас так, что мне невольно захотелось пощупать макушку: не задымилась ли.

– Так, кадеты. И не кадеты тоже, – нас одарили оценивающим взглядом, – если вы утверждаете, что на территории академии произошла дуэль, то меня интересует: где второй секундант?

– Удрал, – сглотнул Рейзи, который мог дать самый внятный ответ на этот вопрос.

– Удрал?

– Да, – упрямо сжал кулаки темный. На его висках выступил пот. – В кусты. И чемодан с собой прихватил.

У меня создалось ощущение, что ректор пытается прочесть его мысли.

– Не врешь... – выдохнул Анар. – И как же зовут того труса?

– Не знаю.

Ректор перевел взгляд на меня.

– Я прибыл сюда лишь с чемоданом. Все люди, которые могли бы быть моими секундантами, – в стенах академии. А здесь у меня из знакомых лишь вы, магистр Анар, Рейзи, Гарди и... как же его... А, Натан.

– Натан?

– Да, вроде бы так его звали. Он помог мне обезвредить вашу секретаршу...

На миг мне показалось, что ректор усмехнулся. Нет, выражение его лица осталось прежним. Но на краткое мгновение мне почудился в его глазах хитрый блеск.

– Вы, кадет Каржецкий, виртуозно говорите правду. Надеюсь, в карцере вы будете столь же неподражаемы. Впрочем, как и кадет Ромс.

Рейзи, у которого оказалась столь звучная фамилия, вздохнул.

– Трое суток за дуэль, – отрезал ректор. – А вот вас, Гарди, я наказать уже не в праве. Вы ведь уже не кадет. И вам повезло, что все произошло до присяги. Случись все несколькими днями позже, я бы не смог так просто вас отчислить.

Он взмахнул рукой, и от ткани форменной куртки рыжего отделился значок. Он взмыл в воздух, на миг завис между мной и Гарди и... намертво прицепился к лацкану моего пиджака.

– Господин ректор, а как же присяга? Если кадет во время ее будет в карцере... – пробормотала секретарь, протягивая Анару новый список.

– Присяга... Что же, пусть Крисрон произнесет слова обета сейчас. Здесь, у меня в кабинете! И идет отбывать наказание вместе с Рейзи.

Ректор подошел к сейфу, загородив тот своей широкой спиной, совершил несколько движений и открыл тяжелую дверцу. А потом извлек на свет странный предмет.

Не компас, не часы. Несколько стрелок и циферблатов. Но от этой небольшой штуковины исходила такая мощь, что захотелось обратиться куда-нибудь подальше.

– Завтра вечером мне уже нужно будет отправить артефакт Мрака во дворец. А выпускать вас из карцера раньше срока – против моих правил. Поэтому, Крисрон, положите руку на артефакт и повторяйте за мной.

Я говорила слова клятвы и чувствовала, как во мне что-то меняется. Ломается. Сжигается. Переплавляется. А потом увидела, что от того места, где я стояла, начали расходиться, шириться круги. Один за другим. Красный, как печать отца, белый, того оттенка, что были у заклинаний светлого Гарди, и, наконец, черный.

– Занятно... – только и протянул ректор, забирая у меня артефакт.

Я не решилась спросить, что же такого «занятого» Анар увидел. Зато едва моя «экстренная» присяга завершилась, в кабинет тут же явился кто-то из старшекурсников и повел нас с Рейзи в подвал. Итак, моя учеба в академии началась с карцера. Интересно, что ждет меня дальше?

Нас вели по темному узкому коридору, который больше напоминал прогрызенный в камне гигантским червяком тоннель: без окон, с чуть округлыми неровными стенами и таким же округлым неровным потолком. Лишь магические светильники, которые равномерно были развешаны над нашими головами, освещали дорогу.

– Ну вот и пришли, – усмехнулся старшекурсник и протянул руку, опирая засов.

Странно, что железо не закрипело. Да и петли на тяжелой двери оказались смазанными. Видимо, карцер был местом популярным.

Рейзи зашел в камеру первым. А потом и меня препроводили в персональные покои. Я шагнула в каменный мешок, и дверь за моей спиной тут же захлопнулась. Лязгнул замок. Что ж, все могло быть намного хуже. А так... главного я добилась: избавилась от печати. И теперь могу выспаться.

Зевок вырвался изо рта помимо воли. У стены валялась куча прелой соломы. Судя по всему – кровать. В углу стоял ночной горшок. Интерьер был представлен настенной живописью, а о чистоте воздуха и свете заботилось оконце под самым потолком, столь маленькое, что через него едва бы пролезла моя голова. Но все равно оно было забрано решеткой. Видно, проштрафившиеся кадеты все же как-то да через него утекали.

Я опустила на солому. Полюбуюсь на местное творчество потом. А пока – спать. Но сначала... Я сняла с головы картуз. Волосы рассыпались по плечам. Но мне было не до этого. На затылке, в копне пышной шевелюры, спряталась маленькая заколка-птичка. Размером –

с четверть мизинца. Вестник. Я поднесла ее к губам и подула, делясь теплом. Универсальный амулет. Простенький и доступный не только магам.

Птичка увеличилась в размерах, отмерла, встряхнулась.

– Передай отцу, что у меня получилось, – шепнула я пичуге и, вытянув руки над собой, поднесла ее к решетке. Вестница напряжинила лапки, присела, а затем резко оттолкнулась и сорвалась в полет.

С мыслями о родителях и задремала. И проспала почти сутки. А утро... Оно редко бывает добрым.

Разбудил меня удар колокола. Резкий. Надрывный. Внезапный. Я вскочила, еще не успев толком открыть глаза. Помотала головой, приходя в себя.

Вокруг был сумрак. А еще – туман. Из зарешеченного окошка донеслось:

– Построение. Пробежка. Живо, живо.

Я задрала голову. Глаза уже начали привыкать к тому, что вокруг – насыщенная серость, щедро разбавленная тьмой.

В оконце промелькнули чьи-то сапоги. Много сапог. Кадеты спешили. Судя по всему, на это самое построение.

Я потянулась, чувствуя, как за ночь задеревенели мышцы. Еще несильная, терпимая боль, но если вовремя не размяться, то будет хуже. К тому же ночь выдалась прохладная. Не хватало еще простыть.

Я заплела косу и начала разминку с приседаний-отжиманий. Потом – прыжки, растяжки. Когда я стояла на одной ноге, прогнувшись в спине и пяткой второй пытаюсь достать до затылка, в решетку поскреблись.

Вздвигнув, я на миг потеряла концентрацию, а за ней – и равновесие. Благо успела в последний момент выровняться и не упасть.

За решеткой стояла Кара. Промокшая, грязная, растрепанная, но воинственная зая.

– Ты обещала меня не бросать! – обвиняюще пискнула она и дернула носом.

– Как я могла тебя не бросить, когда ты удрала в кусты. Вместе с чемоданом, кстати...

– Я не удрала! – рассердилась Кара. – Это было стратегическое отступление. И пусть в этом облике даже магу не опознать во мне демона, но все же... – Она придиричиво осмотрела меня и уточнила: – Поймаешь?

У меня имелся лишь один вопрос: как перед прыжком ко мне в руки она собралась протаскивать свою упитанную хвостатую попку через прутья? Но Кара протискиваться меж железяк не стала. Она закусила ими. Как пирожными. А потом, прогрызая себе дыру, аккуратно пролезла в нее.

Я подставила ладони, в которые и упал увесистый комок меха. Судя по всему, пушистая ночью сильно нервничала и сточила изрядно и всего. Я даже боюсь представить, чего именно. Но она весьма потяжелела.

И тут я услышала, как лязгнул засов на соседней двери.

– Завтрак! – Зычное эхо полетело по коридору, отражаясь от сен.

Я схватила с пола свой картуз, убрала под него косу. Зая тоже спрятала, задвинув ее в угол за ночной горшок. Не сказать, чтобы Кара этому обрадовалась...

Когда в мою камеру вошел уже немолодой мужчина в форменной одежде, я была примерным проштрафившимся кадетом: безмятежно дрыхла на сене.

Села, нарочито потянулась, зевнула.

– Вот, смотрю, ничего вас, сорванцов, не берет, – беззлобно пробурчал он, ставя на пол миску с кашей. – Еще, поди, и выспался всласть.

Я в ответ хитро улыбнулась.

– Карцер, карцер... Надо было туалеты послать драить или репу чистить на всю академию. А то бока тут отлеживаете на дармовых харчах... – Чувствовалось, что он говорил беззлобно, скорее по привычке.

Я и не стала возражать. А чего на правду-то скажешь? К тому же я действительно выпалась...

– Плошку в обед заберу и кружку тоже!

Я беззаботно кивнула. Надзиратель ушел, а я с радостью принялась за еду. Ячменная каша оказалась клейкой и пресной, на зубах песком скрипели магические приправы, отвечающие за вкус и аромат. Но то ли они были просрочены, то ли магу, что их составлял, стоило податься не в кулинары, а в отравители... И тем не менее у меня к каше был преотличнейший соус, который может сделать изумительно вкусным даже отвратительное блюдо, – это голод.

С учетом того, что последний раз я ела сутки назад, мне было глубоко наплевать и на специи, и на то, что еда холодная. Главное – ее можно было съесть. Зая смотрела на меня как-то жалостливо.

– Что, тоже хочешь? – Я протянула ей ложку с варевом.

– Нет. – Кара отшатнулась и спряталась за горшок, из-за которого только-только вылезла. – Просто думаю, может, тебе нормальной еды принести...

– Если это будет не сабля или чей-нибудь ботинок, то я согласна.

Кара ускакала за добычей. А пока она доставала для меня провиант, я успела сначала поперестукиваться, а потом и вовсе поговорить со своим соседом по камере. Оказалось, что в стене между камерами есть местечко, где с каждой стороны один из камней можно аккуратно вынуть. Главное, потом их так же аккуратно втиснуть обратно.

В итоге Рейзи смотрел своим незаплывшим глазом на меня, а я – на него. Правда, отверстие получилось с его стороны чуть больше золотой монеты, а с моей – с добрую ладонь. Но так или иначе дырка между камерами, проковырянная поколениями кадетов, имелась. И Рейзи, как частый клиент сих апартаментов, о ней был осведомлен.

Узнать у соседа я успела многое. И о самой академии, и о том, как здесь темные «любят» светлых. Так любят, что если бы не соглашение между императорами, то поубивали бы всех к бездне.

Ректор, к слову, тоже не питал особого расположения к белым магам, но поскольку Темный властелин приказал... А вот привечать ведьм и чародеек в академии – такого приказа не было. Чем Анар беззастенчиво и пользовался, стараясь не допускать к отбору магинь. Правда, самые упорные нет-нет да и прорывались. В основном – темные. То ли более упорными были, то ли более независимыми, может, просто в кого-то влюбленными.

– В ректора, что ли? – ляпнула я.

За стеной чем-то подавились и закашлялись.

– Ты, главное, ему это не скажи. Он у нас жуткий женоненавистник. Не без причин, правда, – начал трепаться за стеной Рейзи.

– Это как?

Делать было особо нечего, я ждала Кару и скрашивала время, выуживая информацию.

– Так. Он считает, что бабам, пусть и магам, на войне не место. А порубежники – это ведь воины, причем элитные, которые с самыми опасными тварями бездны борются! – В голосе Рейзи послышалась гордость и превосходство.

Мне стало чуточку обидно. Интересно, смог бы этот «элитный» без своей магии добыть саблю из аллурийской стали, протаскив ее под носом у пограничного контроля? Или смог бы нырнуть на запредельную глубину с утеса, уходя от преследователей, и при этом не напороться на острые скалы? Или... Впрочем, вслух я сказала другое:

– И что, если магиня, то в порубежники не берут?

– Берут. И в атакующих магов берут, и в защитников, и в артефакторов боевых амулетов, и в военные летные отряды, если дракон или гарпия. Ну и в порубежники, знамо, тоже берут. Хотя и очень редко, – буркнул Рейзи. За этим его неохотным ответом чувствовалось что-то свое, личное. – Но только самых сильных, хитрых и настойчивых. На моем курсе тоже учился одна... такая. Статия. Стерва редкостная. И зараза. Так что, Крис, держись от нее подальше.

– Запал? – догадалась я.

– Да иди ты... – послышалось недовольное в ответ.

Я усмехнулась. Как успела выяснить, мой сосед – с третьего курса. И вроде ему стукнуло двадцать лет, но вел он сейчас себя как мальчишка. Хотя если чувства искренние, то мужчины часто ведут себя словно дети. В этом я убедилась, глядя на отца. Да и мама от него в этом плане не отставала, и дурачились они на пару.

– Куда я пойду, тут четыре стены и эта... живопись.

Я мотнула головой на один из шедевров, хоть Рейзи не мог увидеть и оценить прелесть «фрески».

– А, ты же в любимой камере Рига...

– Кого?

– Ригнара. Он, наверное, во всей академии один нормальный светлый.

– Это еще почему? – Мне стало любопытно.

– Потому что сам поступал. Без этого... императорского назначения. Наравне с нами. Правда, его тогда ректор брать не хотел. Не знаю уж почему... В общем, запутанная история. Но, если что, знай: Риг, он нормальный. Хотя и на всю голову ушибленный, но нормальный.

– А ушибленный-то почему?

– Потому что светлый, – выдал прописную для темных истину Рейзи. – Вот ты – нормальный. Поступил по-темному: пришел, выгрыз свое место зубами у светлого. Еще и в карцер угодил... Погоди, послезавтра выйдешь отсюда героем.

В последних словах темного я сильно усомнилась. А он между тем продолжал:

– Только я не понял... У ректора там, в кабинете... Почему у тебя три круга было? Ты дуал? У тебя две стихии? Когда я присягу принимал, от меня черный круг разошелся. От светлых – белый идет. А от тебя – красный и темный. Мне, правда, показалось, что еще белый, но такое только у рода Блеквудов возможно... Но ты явно не из них.

– Не из них, – открестилась я. – И не обзывай меня дауном.

– Дуалом, балда! – развеселился Рейзи. – Это маг, которому сразу две стихии подвластны. И тут я услышала шаги по коридору.

– Шухер! – скомандовал темный, и мы без лишних слов закрыли наше «слуховое окно».

Спустя несколько ударов сердца в мою камеру пожаловал гость. Да такой, что я поняла: рано обрадовалась зачислению.

Ректор вошел без слов. Хмурый. Озадаченный. Глянул на стену, но то ли эпическая картина его не впечатлила, то ли он был занят своими мыслями... Зато я удостоилась пристального внимания.

В тишине было слышно, как где-то капает вода. Кап. Кап. Кап. Капли ударяли размеренно, убийственно-монотонно. Казалось, что их сводящий с ума звук ввинчивается мне в мозг.

– Лэр Стронкер, вот последние двое кадетов. – С этими словами Анар посторонился, пропуская в камеру еще одного гостя. – Остальных вы уже видели. А этих не было на смотре, поскольку отбывают наказание за дуэль.

Мне стоило невероятных усилий не вздрогнуть при виде белого мундира инквизитора. Я медленно подняла взгляд. Передо мной стоял немолодой воин со шрамом, рассекавшим наискосок правую щеку. Он подошел ко мне и, цапнув за подбородок стальной хваткой, заставил задрать голову.

– Кадет? – В меня впился жесткий взгляд.

– Да. – Я сглотнула и разозлилась на себя. Да что это я оцепенела, как Кара перед виу-виром. Еще сейчас и мутить начнет.

«Крис, соберись!» – скомандовала себе. Но собраться не получилось. Зато разозлиться... Я ушла от погони. На спине морского дракона пересекла четыре дневных перехода корабля за пару ударов колокола. Избавилась от печати, в конце концов! Так что я чиста. А если этот беломундирный вздумает меня схватить – без боя не дамся.

Я сжала челюсти. Руки сами собой начали наливать силой и тьмой.

– Крисрон, контролируйте свой дар. – Голос ректора заставил вздрогнуть и меня и инквизитора. – А вам, лэр Стронкер, я бы посоветовал не прикасаться к пожирателю душ. Мальчишка еще не совсем стабилен после дуэли и может нечаянно... вам навредить.

– Мне? – усмехнулся инквизитор, и его рот исказила гримаса: шрам, располосовавший щеку, сковывал мышцы. Впрочем, руку от моего подбородка он все же убрал.

– Десять единиц из десяти. Абсолютный темный дар при неполной инициации... Так что смотрите сами, с огнем играете... – предостерег гостя Анар.

– Занятные у вас ученики... Один другого интереснее...

– Помнится, пять лет назад я уже слышал эту фразу. Правда, не от вас, а от вашего главы.

– Мессира Бранда? – удивился инквизитор.

Меня же это имя ожгло, словно удар кнута. Черный Ворон. Верховный инквизитор.

– Да, он приезжал сюда по личной надобности... И тоже уехал ни с чем.

Это был такой толстый намек, что беломундирный выпрямился как от пощечины.

– На этот раз у нас есть прямые доказательства. К тому же мы ищем беглого преступника.

– Вы уже говорили. И даже показывали свиток.

Я благодарно не вмешивалась в этот разговор. А ректор меж тем продолжил:

– А еще вы утверждали, что беглый преступник немолод и ему чуть больше сорока. Этот же мальчишка без личины, и ему всего двадцать один. К тому же на нем нет следов взломанной печати... Или есть?

– Нет, – нехотя пробурчал инквизитор и отвернулся.

На этом гости из моей камеры отчалили. Я выдохнула и прислонилась спиной к стене. Сползла. Обхватила колени. Руки мелко дрожали. По вискам тек холодный пот. Экзамен. Внезапный. От которого зависела моя жизнь. И я его выдержала.

За соседней стеной дверь стукнулась о стену. Пробыли ректор с его спутником там недолго, а потом удалились.

Я так и осталась сидеть на полу. Вот теперь точно все. Но, избавившись от проблемы печати, я обрела проблему новую: как не стать монстром. И, судя по всему, помочь мне в этом могут только те, кто знает о пожирателях гораздо больше меня. Маги. Учителя. И убегать из академии мне враз расхотелось. И дело даже не в принесенной присяге, а в том, что только здесь я смогу обуздать тьму, которая внутри меня.

За своими мыслями не заметила, как в камеру просочилась Кара. Встрепенулась, когда на пол упал кусок сыра, а за ним шмякнулась и зая.

– Ты чего меня не ловишь? Я уже себе все лапы отбила!

– Извини.

Она еще долго ворчала. А я, обдув добычу и отряхнув ее, начала жевать. Есть хотелось зверски. Пока работала челюстями, рассматривала картину, которая красовалась на стене напротив.

Судя по всему, рисовал ее мастер своего дела. Внизу была изображена куча и вылезший из нее в шлеме крот с выражением полного изумления на морде. Очки на «землекопе» сползли на самый кончик носа, а сам он был настолько похож на человека, что, даже не просвети меня Рейзи, что крот – карикатура на преподавателя тактики, я бы наверняка догадалась: где-то

на свете бродит реальный прототип. Сверху над кротом нависала акула в форме спортивного судьи. При этом она свистела в свисток и показывала карточку нарушителя. Глумливо ухмылялась во все свои два ряда клыков, да и вообще выглядела типичным мордоворотом. Рядом с этой парочкой красовался конь, стоявший на задних копытах. Он был в пальто и курил трубку.

– Занятные, – хмыкнула кроля, разглядывая шедевр вместе со мной.

Нет, на стене было множество и других рисунков. Но этот... впечатлял.

Зая, решив, что ночных приключений с нее хватит, захотела вздремнуть. Потопталась по селу и, зарывшись в него наполовину, легла.

По коридору загрохотало. Оказалось, принесли обед. Я прикрыла Кару сверху пучком соломы. Вошел тот же надзиратель, плюхнул новые миски и забрал старые. После сытного сыра пустая тушеная капуста не казалась мне уже такой питательной и замечательной.

Я продолжала сидеть. Я ждала. Известия от родителей и... ректора. Что-то мне подсказывало, что лэр Анар вернется. Один, уже без инквизитора. И оказалась права. Ну что у меня за чуйка на неприятности? Хотя бы раз ошиблась.

На этот раз дверь открылась бесшумно. Да и шагов по коридору не было слышно. Однако он появился. Уже под вечер, когда даже зарева закатных лучей не было видно.

Присягу первокурсники давали под вечер. С плаца, который хоть и находился от нас далеко, все же долетали отсветы вспышек особенно сильных магов, когда артефакт сжигал их первородные магические меты, меняя на единую для всех: два скрещенных меча – символ боевых магов.

У меня сейчас на плече вместо языков черного пламени красовался такой же знак: два меча. Правда, пока лишь блеклые контуры. Как объяснил Рейзи, только по окончании академии мета станет полноцветной и дополнится деталями. А пока...

А пока на пороге моей камеры стоял ректор. В руках у него были то ли наручники, то ли магические браслеты.

– Ты ничего не хочешь мне сказать, Крисрон?

– О чем именно?

– Почему тебя искали инквизиторы? Правда, при этом утверждали, что тебе больше сорока и ты – беглый преступник, удравший с рудников. Я не выдал тебя этим ищейкам лишь потому, что хочу сначала разобраться сам.

Он говорил, но явно чего-то недоговаривал.

– Могу вас заверить, господин ректор, что я не каторжник. К тому же мне до сорока лет еще бегать и бегать...

– И ведь не врешь, – задумчиво протянул Анар, глянув на перстень, камень которого светился зеленым. – Но мне полуправда не нужна. Ты выкладываешь все здесь и сейчас.

– Тогда поклянитесь, что вы не нанесете этими знаниями мне вреда. – Я упрямо глянула в глаза ректору.

– Нагле-э-эц, – протянул он то ли осуждающе, то ли восхищенно. – Его к стенке приперли, могут размазать, а он еще условия выдвигает. Ну что же, Крис, знай. Я своих не выдаю. А ты успел дать присягу... К тому же ты темный, а значит – подданный Черного властелина. И тебя преследует светлая инквизиция, утверждая, что ты уничтожил светлую печать...

И я рассказала. Об отце, о матери. О том, как сломалась печать... Ректор впечатлился.

А потом все произошло в один миг: Анар приблизился ко мне и, резким движением схватив одно из запястий, защелкнул браслет.

– Вторую руку, – требовательно приказал он.

– Нет!

Я разозлилась. В один миг моя вторая кисть окуталась тьмой. Мгла клубилась, бесновалась, готовая сорваться с кончиков пальцев.

Ударить не успела. То ли ректор был очень опытным, то ли я не столь проворной. А может, мне изменила удача. Но мою силу словно замкнуло на этих бездновых наручниках.

Мысль, что меня все же поймали, забилась в мозгу, как птица в силках. Поймали и крепко держали за плечи. Стальной хваткой. Такой, что не вырваться.

– Браслеты Дианары. Они измеряют уровень магического дара, – пояснил между тем ректор, неотрывно глядя на мои оковы.

Я ошеломленно опустила взгляд вниз. Первая искра. Вторая. Третья... Десятая.

– Я был прав, предполагая... Едва ты вошел в кабинет, – удовлетворенно заключил ректор. – Десять из десяти... Силен. Даже для пожирателя – силен.

Я наконец-то догадалась. Вот она – причина, по которой меня оставили. Десятый уровень дара. Максимальный. Отец говорил, что в империи таких магов не больше пары дюжин. И все они находятся под пристальным контролем императорской службы безопасности. Ведь большая сила – большое искушение. В том числе и искушение пошатнуть трон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.